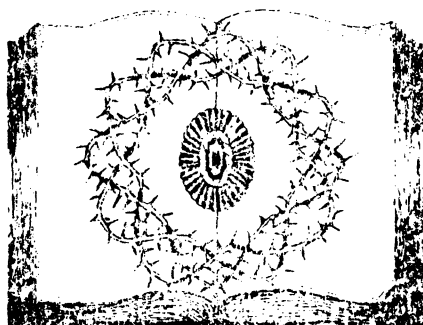

№4 (133)

Октябрь – Декабрь 1993 г.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА

МОСКВА

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

№4 (133)

Октябрь — Декабрь 1993 г.

ПРАЗДНИК ВЕРНЫХ

26 ноября (9 декабря) — праздник Ордена Св. Георгия

Более полутора столетий высшие воинские награды Российской Империи носили имя Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Самым почетным отличием для офицера был Орден Святого Георгия, для солдата — Знак отличия Военного Ордена (Георгиевский Крест), для полка — Георгиевское знамя или штандарт. Полученная «За Службу и Храбрость» (Орденский девиз) награда была свидетельством выдающихся заслуг на поле брани, ибо, как гласил Статут, утвержденный Императрицей Екатериной II в 1769 году, «ни высокая порода, ни полученные пред неприятелем раны не дают права быть пожалованным сим Орденом: но дается оный тем, кои не только должность свою исправляли во всем по Присяге, Чести и Долгу своему; но сверх того отличили еще себя особливым каким мужественным поступком, или подали мудрые и для Нашей Воинской службы полезные советы».

Символично и то, что покровителем Военного Ордена стал именно Святой Георгий — один из любимейших Русским народом Православных святых, сочетавший в себе воинскую доблесть с Христианским смирением, силу оружия — с силой молитвы. Таково и самое прославленное из чудес Святого Победоносца — чудо Георгия о змие, многократно изображенное на иконах, ставшее символом Первопрестольной столицы Русского государства и вошедшее в герб Российской Империи, чудо, изображение которого носил на груди каждый Георгиевский кавалер. Поразивший дракона копьем и сми-

ривший его полученной от Бога властью, Святой Георгий явил нам неразрывное сочетание подвигов воинского и духовного. Идеал Православного воина, он был теплым заступником и молитвенником Армии, с верою просящей его ходатайства пред Господом, «да подаст Он Православному Императору нашему и всему Боголюбивому воинству на супостаты одоление».

«И паки припадающе молим тя, Святыи Победоносче, — взывали Русские люди, — укрепи, данною тебе благодатию, во бранех Православное воинство, разруши силы восстающих врагов, да постыдятся и посрамятся, и дерзость их да сокрушится, и да увидят, яко мы имама Божественную помощь».

Но не всегда победа духовная сопряжена с торжеством во временном земном житии. Герой, военачальник, светлый витязь, обычно предстающий в нашем воображении во всем великолепии боевой славы Победоносца, Святой Георгий окончил свои земные дни как мученик, прибавив к своим ратным подвигам и подвиг открытого исповедания Христа перед лицом нечестивых язычников. И Армия, осененная покровительством Святого Победоносца, — Армия, погибшая в мучениях, зачастую сравнимых с теми, которым подвергались первые Христиане, но в лучших своих сыновьях сохранившая Веру и Верность, — Российская Императорская Армия до конца прошла путь Святого Георгия к Вечной Жизни, уготованной всем, оставшимся верными Царю Небесному.

Знамя старой Армии было подхвачено Белыми бойцами, на протяжении нескольких трагических лет самоотверженно сражавшимися за честь гбнущей России. И недаром было сказано про одного из Белых генералов, что на земле он «командовал арьергардом Божьей армии».

Наследница тысячелетней славы Российского воинства — Белая Армия, нищая, раздетая и разу-

тая, увенчанная терниями всех Ледяных походов, прошла свой крестный путь в уповании грядущего Воскресения. Ее вели Георгиевские кавалеры, в ее рядах развевались седые Георгиевские знамена, и эта Армия — поистине Белая, Божья армия — была и армией Святого Георгия.

Святой Великомучениче и Победоносче Георгие, моли Бога о нас.

В.ДУРОВ

СОЛДАТСКИЕ ГЕОРГИЕВСКИЕ КРЕСТЫ 1-й МИРОВОЙ ВОЙНЫ

10 августа 1913 года Император Николай II утвердил новый Статут комплекса наград, которые официально стали называться Георгиевскими. В числе этих отличий был и солдатский крест четырех степеней, названный также Георгиевским. Нумерация новых наград должна была вестись заново, раздельно по каждой степени. Выдача особых крестов для иноверцев была прекращена, так как само название «Георгиевский» предполагало изображение на кресте Св. Георгия.

Уже 28 октября 1913 года Канцлер Российских орденов граф В.Б.Фредерикс в письме министру финансов просил изготовить небольшое количество Георгиевских крестов и Георгиевских медалей «на случай могущих быть единичных пожалований сими знаками отличия чинов пограничной стражи и нижних чинов частей войск, входящих в состав военных экспедиций»¹. Георгиевских крестов 1-й степени Фредерикс просил изготовить 10 штук (с номерами от 1 до 10), 2-й степени —

15, 3-й — 50 и 4-й — 150, все с соответствующими номерами, начиная с единицы. Новшеством стала чеканка значка «№» перед цифрами. По этому значку легко определяются кресты, относящиеся уже ко времени после 1913 года.

24 апреля 1914 года заказ Капитула орденов был выполнен. Но в связи с начавшейся вскоре мировой войной 24 июля того же года на Монетный двор было отправлено распоряжение срочно изготовить «в самом непродолжительном времени» еще 300 крестов 1-й степени, 800 — 2-й, 3.000 — 3-й и 15.000 — 4-й степени. Затем последовал новый заказ на 400 крестов 1-й степени, 1.200 — 2-й, 10.000 — 3-й и 55.000 — 4-й степени, причем сообщалось, что это число «вряд ли может считаться окончательным»². На Монетном дворе в связи с новым заказом отменили исполнение всех других казенных и частных заказов, увеличили продолжительность рабочего дня на 4 часа и добавили 30 новых работников. До 1 января 1917 года на

Петроградском Монетном дворе было изготовлено Георгиевских крестов 1-й степени 32.510 штук (с нумерацией от 1 до 32.480), 2-й степени — 65.015 (с нумерацией от 1 до 65.030), 3-й степени — 286.050 (с нумерацией от 1 до 289.150) и 4-й степени — 1.190.150 (с нумерацией от 1 до 1.210.150)³.

Несовпадение количества крестов и номеров на них объясняется тем, что часть их чеканилась без номеров (что дает превышение числа знаков 1-й степени по отношению к общей нумерации) а, кроме того, по просьбе Капитула орденов некоторые номера на Георгиевских крестах пропускались при чеканке, а под этими номерами выдавались кресты из старых запасов Капитула. Изредка встречаются кресты, часть нумерации на которых (на левом луче) срезана и на этом месте выбиты новые цифры. Например, на одной из приведенных здесь иллюстраций изображен Георгиевский крест 4-й степени №9254, хранящийся ныне в коллекции Государственного Исто-

рического музея (Москва). Знак «№» говорит о том, что награда выдана во время 1-й мировой войны. Но сам крест изготовлен до 1914 года и раньше имел иную нумерацию. Для того, чтобы использовать его вторично, на левом луче срезали цифры и выбили «№9», и, таким образом, отпала необходимость изготавливать новый знак под номером «9254».

Из общего числа отчеканенных до начала 1917 года Георгиевских крестов (1.573.725 шт.) в Главный Штаб было отправлено 1.186.283 знака, в Главный Морской Штаб — 3.871 и в Военно-походную канцелярию Императора Николая II — 289.535 знаков, а всего 1.479.739 крестов всех степеней⁴.

По степеням награды распределялись следующим образом:

1-я степень: в Главный Штаб — 24.840, в Главный Морской Штаб — 26, в Военно-походную канцелярию — 5.046 крестов.

2-я степень: в Главный Штаб — 53.598, в Главный Морской Штаб — 117, в Военно-походную канцелярию — 10.951.

3-я степень: в Главный Штаб — 235.008, в Главный Морской Штаб — 670, в Военно-походную канцелярию — 47.888.

4-я степень: в Главный Штаб — 872.842, в Главный Морской Штаб — 3.058, в Военно-походную канцелярию — 225.650.

Из общего количества крестов Капитулом было выслано по годам:

В 1914 году: крестов 1-й степени — 1.651, 2-й — 3.196, 3-й — 26.560, 4-й — 167.400.

В 1915 году: крестов 1-й степени — 10.230, 2-й — 21.640, 3-й — 112.540, 4-й — 458.600.

В 1916 — начале 1917 г. (до 16 февраля): крестов 1-й степени — 18.031, 2-й — 39.825, 3-й — 144.466, 4-й — 475.550.

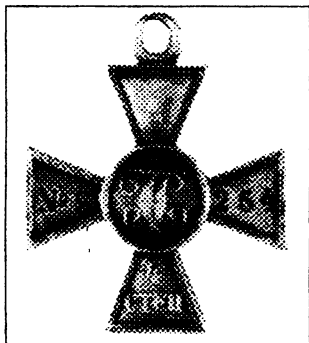
В связи со значительным увеличением количества присуждаемых Георгиевских солдатских крестов, в условиях подорванной войной экономики возник вопрос об уменьшении содержания драгоценных металлов в солдатских наградах. Уже 26 мая 1915 года Император «соизволил повелеть» Георгиевские кресты и медали 1-й и 2-й степеней изготавливать из золота пониженной пробы, с содержанием в них лишь 600 частей чистого золота (из условных 1000 частей), серебра — 395 частей и меди — 5 частей⁵. В крестах 3-й и 4-й степеней содержание серебра оставалось прежним — 990 частей. На золотых крестах, изготовленных из нового сплава, стали помещать особое клеймо — небольшой круглый знак на оборотной стороне на нижнем луче. Вскоре «образцовые» знаки с круглым клеймом были представлены Императору и им одобрены, а уже 23 июля 1915 года Монетный двор представил счет на 20 крестов 1-й и 300 — 2-й степеней с пониженным содержанием золота⁶. Всего было отчеканено до конца 1916 года (когда изготовление наград из драгоценных металлов было совсем отменено) 26.950 крестов 1-й степени (с №№5531 — 32480) и 52.900 крестов 2-й степени (с №№12131 — 65030) с содержанием в них 600 долей золота.

10 октября 1916 года Императором был утвержден указ «О замене золота и серебра, употребляемых при изготовлении медалей и орденских знаков, другими материалами»⁷. Вместо драгоценных металлов стали употреблять иные, лишь повторяющие цвет золота и серебра (желтый и белый) металлы. Так должно было продолжаться «впредь до окончания войны и минования связанных с ней чрезвычайных обстоятельств»⁸. На новых Георгиевских крестах стали ставить дополнительные обозначения маленькими буквами «ЖМ» (желтый металл) и «БМ» (белый металл).

Чеканка крестов и медалей из недрагоценных металлов началась только в феврале 1917 года. Всего было изготовлено 10.000 Георгиевских крестов 1-й степени (№№ с 32481 по 42480), 20.000 — 2-й степени (№№ с 65031 по 85030), 49.500 — 3-й (№№ с 289151 по 338650) и 89.000 — 4-й степени (№№ с 1210151 по 1299150)⁹. Между прочим, чеканка низшей степени креста была закончена только 24 ноября 1917 года, через месяц после Октябрьского переворота.

Кроме того, были изготовлены Георгиевские кресты без номеров, в том числе 300 — 1-й степени, 500 — 2-й, 1.000 — 3-й и 5.000 — 4-й степени¹⁰. Их чеканили безномерными для выдачи взамен утерянных, а также более оперативной выдачи в боевых условиях. Эта группа крестов была сделана к 17 октября 1917 года.

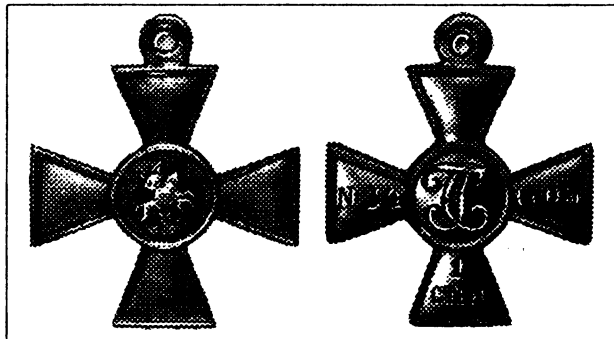
Когда число изготовленных Георгиевских крестов 4-й степени достигло миллиона, возникла нежи-

Знак отличия Военного Ордена с измененной в 1914 г. нумерацией

Обозначение недрагоценного металла на Георгиевских Крестах

Георгиевский Крест 1-ой степени. Желтый металл

Первый Георгиевский кавалер Великой войны — К.Крючков

данная трудность. 17 июня 1916 года из Капитула орденов сообщают на Монетный двор, что так как «на поперечных концах креста уместить более шести знаков без значительно-го уменьшения самих цифр не представляется возможным, является необходимость установить, как изображать нумерацию крестов в семь цифр... Для устранения вышеуказанных неудобств, а также для сохранения однотипности знаков, являлось бы целесообразным поместить цифру, соответствующую миллиону, на свободной верхней лопасти креста, цифру же тысяч, сотен, десятков и единиц размещать на поперечных концах креста»¹¹.

Это предложение было принято, и на Монетном дворе изготовили новые штампы крестов, на верхних лучах которых помещено обозначение «1/М», то есть «Один миллион». Остальные цифры порядкового номера награды по-прежнему чеканились на горизонтальных лучах. При этом в номерах меньше шестизначных впереди ставились нули, чтобы общее число цифр было равно шести. Например, на знаке с порядковым номером 1002250 выбивались пуансонами лишь цифры 002250 на горизонтальных лучах, а обозначение «1/М» отчеканивалось еще при изготовлении самого креста на Монетном дворе.

Георгиевские кресты 4-й степени с 1 миллиона до 1.210.150 чеканились из серебра, позднее же, с переходом на недрагоценные метал-

лы, начиная со следующего номера и до конца их изготовления (последний номер — 1299150) их делали из белого металла, с соответствующим дополнением в виде маленьких букв «БМ».

* * *

Первым по времени заслужил Георгиевский крест 4-й степени ставший сразу знаменитым приказной (ефрейтор) 3-го Донского казачьего Ермака Тимофеевича полка Козьма Крючков. Встретив с четырьмя рядовыми казаками вражеский разезд из 22 немецких кавалеристов, он лично убил офицера и нескольких всадников, всего 11 врагов, получив при этом 16 ран. Уже 11 августа 1914 года он был награжден Георгиевским крестом 4-й степени №5501. Такой большой номер объясняется тем, что награды были разосланы одновременно и крупными партиями на разные фронты. Возможно, 1-я армия Северо-Западного фронта, приказом по которой был награжден К.Крючков, получила кресты начиная с №5501. Самым первым из них и отметили отважного донского казака. Позднее, в годы Гражданской войны, произведенный в офицеры Крючков (бывший к тому времени уже полным Георгиевским кавалером) сражался с большевиками в рядах Донской армии и погиб в бою летом 1919 года.

...А Георгиевский крест 4-й степени №1 получил другой герой. 20 сентября 1914 года Император Николай II лично вручил его в Царском Селе рядовому 41-го пехотного Селенгинского полка Петру Черному-Ковальчуку, захватившему в бою знамя австрийского гренадерского полка. Крестом той же степени с порядковым номером «2» Царь награждал унтер-офицера того же полка Алексева¹².

Георгиевский крест 3-й степени №1 получил вахмистр-подпрапорщик Лейб-Гвардии Конного полка Ананий Рушница, крест 2-й степени №1 достался вахмистру-подпрапорщику Лейб-Гвардии Гусарского полка Егору Шестакову.

Крестом высшей степени с номером 1 был награжден фельдфебель-подпрапорщик 1-го пехотного Невского полка Никифор Климович Уда-

лых. В середине августа 1914 года после неудачных боев в Восточной Пруссии полк отступил, а полковое знамя Никифор Удалых вынужден был зарыть при отходе. Через некоторое время Удалых вместе с поручиком того же полка Александром Игнатьевым отправились на занятую противником территорию, нашли знамя и доставили его к своим. При этом оба героя были обстреляны немцами и Игнатьев получил ранение.

За этот подвиг Никифор Удалых был представлен сразу к Георгиевскому кресту 1-й степени и получил знак с порядковым номером «1», а поручик Александр Игнатьев стал кавалером 4-й степени ордена Св. Георгия¹³.

... Пройдет несколько лет, и революция и Гражданская война расколют корпус Георгиевских кавалеров так же, как и всю Россию. Многие кавалеры Георгиевских крестов воевали в рядах Белых армий (кстати, все Белые правительства продолжали награждать отличившихся в боях солдат и казаков Георгиевскими крестами и медалями). Но были Георгиевские кавалеры и в Красной армии, — некоторые из них стали позднее известными советскими военачальниками. Так, рядовой Родион Малиновский получил крест 4-й степени; младшие унтер-офицеры Константин Рокоссовский и Георгий Жуков были отмечены двумя крестами каждый, 3-й и 4-й степеней. Все трое стали впоследствии Маршалами Советского Союза. Всем известный Василий Иванович Чапаев заслужил в боях три Георгиевских креста. Иногда в литературе встречается утверждение, что он был полным Георгиевским кавалером. На самом деле Чапаев получил в ноябре 1915 года Георгиевский крест 4-й степени №46347, месяц спустя, в декабре того же года — крест 3-й степени №49128, и в феврале 1917 года — 2-ю степень этой награды за №68047. Была у него и Георгиевская медаль 4-й степени.

Полным Георгиевским кавалером стал Семен Михайлович Буденный, имевший четыре креста и четыре медали. К сожалению, экспонирующиеся в Центральном Музее Вооруженных Сил Георгиевские награды — не те, которые он получал в годы

войны. То же самое можно сказать о четырех Георгиевских крестах, поступивших в Исторический музей в дар от семьи генерала армии Ивана Владимировича Тюленева. В годы 1-й мировой войны драгун Иван Тюленев заслужил четыре солдатских Георгия, но они были утеряны в Гражданскую войну. В один из юбилеев Ивану Владимировичу были подарены другие четыре креста, но с выбитыми на них «правильными» номерами, то есть теми, которые были на утраченных наградах.

История с награждением солдата 5-го драгунского Каргопольского полка Ивана Тюленева в годы 1-й мировой войны также оказалась непростой... 20 ноября 1915 года командир полка полковник Петерс рапортовал начальнику дивизии: «Драгун 1-го эскадрона вверенного мне полка Иван Тюленев в течение всей войны был представлен за боевые отличия к Георгиевским крестам всех степеней, но ни одной из наград не получил»¹⁴. Когда все же, как говорится, «награды нашли героя», на груди младшего унтер-офицера оказались один Георгиевский крест 4-й степени, два креста 3-й степени и один крест 2-й степени. В результате возникла новая переписка, один из его крестов 3-й степени был заменен крестом 2-й степени, а второй крест той же 2-й степени был обменен на Георгия 1-й степени лишь 5 февраля 1917 года¹⁵.

Единственный иностранец, награжденный всеми четырьмя степенями Георгиевского креста — французский летчик Альфонс Пуарэ — воевал в 1-ю мировую войну на русском фронте. В новых воздушных боях он заслужил офицерский чин, ордена Св. Станислава II степени с мечами, Владимира IV степени с мечами и бантом, Золотое Георгиевское оружие¹⁶.

Сестра милосердия Кира Башкирова заслужила в бою Георгиевский крест 4-й степени, а другая сестра, Антонина Палынина — два креста, 4-й и 3-й степеней, и две Георгиевские медали.

Архивы сохранили нам любопытный документ. В ноябре 1914 года, еще в начале войны, по 3-му Кавказскому армейскому корпусу был отдан приказ командира: «Мною 6-го

сего ноября за заслуги награжден охотник (доброволец. — В.Д.) 205-го пехотного Шемахинского полка Анатолий Красильников Георгиевским крестом 4-й степени за №16602, который на перевязочном пункте оказался девицей Анной Александровной Красильниковой, послушницей Казанского монастыря. Узнав, что братья ее, рабочие Артиллерийского завода, взяты на войну, решила одеться во все солдатское и стать в ряды вышеупомянутого полка... Исполняя обязанности санитарки, а также участвуя в боях, она, Красильникова, оказала боевые заслуги и проявила редкую храбрость, воодушевляя роту с коей пришлось ей работать»¹⁷. Кроме награждения Георгиевским крестом, Анна Красильникова была произведена в прапорщички и после выздоровления вернулась в свой полк.

Даже дети, убежавшие на фронт из родительского дома, отличившись в сражениях, становились Георгиевскими кавалерами. Так, 10-летний доброволец пулеметной команды 131-го пехотного Тираспольского полка Степа Кравченко был дважды ранен, за спасение в бою пулемета награжден Георгиевским крестом 4-й степени. 12-летний доброволец Коля Смирнов был захвачен в плен, «за умолчание о расположении и численности своей части» получил от немцев 50 ударов плетью, позже бежал. В последующих боях совершил несколько подвигов — вывел раненого офицера из-под огня и доставил на перевязочный пункт, захватил в плен германского офицера. Награжден Георгиевским крестом 4-й степени и двумя Георгиевскими медалями. Десятки детей заслужили в 1-ю мировую войну Георгиевские награды.

* * *

Особую сложность представляет собой работа со списками награжденных солдатскими Георгиевскими крестами после 1913 года. Всех Георгиевских кавалеров должны были вносить в общий Вечный список. В ходе 1-й мировой войны офицеры, отмеченные орденом Св. Георгия, в этот список заносились. Но фамилии кавалеров солдатских Георгиевских крестов и медалей, по причине мно-

10-летний доброволец С.Кравченко — Георгиевский кавалер. Рис. А.Эйснера. 1915

гочисленности награждений, предполагалось туда поместить под соответствующими номерами по окончании военных действий. Война для России, как известно, окончилась революцией, и в Вечном списке остались лишь нижние чины, получившие награды до 1913 года. Но сохранившиеся в архивных документах, пусть подчас скудные и отрывочные, сведения о награждениях солдатским «егорием», являются наглядным свидетельством мужества и героизма воинов Российской Императорской Армии в годы 1-й мировой войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГИА, ф.570, оп.11, д.1265, л.18.
2. Там же, л.л.3, 33.
3. ГАРФ, ф.676, оп.1, д.367, л.12.

4. Там же, л.л.21 — 21 об.
 5. Собрание узаконений и распоряжений правительства от 5 июня 1915 года №157. Отдел первый (РГИА, ф.570, оп.11, д.860, л.15).
 6. РГИА, ф.570, оп.11, д.860, л.л.1, 26 об.
 7. Собрание узаконений... от 25 октября 1916 года №295. Отдел первый (РГИА, ф.570, оп.14, д.117, л.л.116, 12 об.).
 8. РГИА, ф.570, оп.11, д.1043, л.2.

9. Там же, д.1045, л.л.19, 20, 30, 30 об.
 10. Там же, л.л.34 об., 36 об.
 11. Там же, д.858, л.105.
 12. РГВИА, ф.970, оп.3, д.1903, л.1.
 13. Там же, д.1000, л.13.
 14. Там же, ф.3557, оп.1, д.116, л.24.

15. Подобные казусы случались и позднее, в годы Великой Отечественной, при награждении солдатскими орденами Славы трех степеней. Известны полные кавалеры этой награды, носившие, например, два ордена 3-й степени и один 1-й. Впоследствии ошибки военного времени были исправлены.

16. Ю.Гальперин. Воздушный казак Вердена. — М., 1990. — С.216.

17. РГВИА, ф.552, оп.1, д.4, л.276 об.

А.КИРИЛИН

«БЕЛЫЙ КРЕСТ ХРАБРЫХ»: ЛЮДИ, ПОДВИГИ, НАГРАДЫ

Все чаще вглядываемся мы в наше прошлое, — в то прошлое, которое еще так недавно для большинства нынешних россиян представлялось «мраком самодержавия». И, по мере этого вглядывания, страницы нашей истории, бывшие ранее «белыми пятнами», приобретают красочность и объемность.

Дмитрий Иванович Абацев

За войной 1914 — 1918 г.г. сейчас прочно закрепилось название: 1-я мировая. А когда-то в России ее называли Великой и Отечественной. Потом эти названия были переданы другой войне, — но ведь в восприятии современников и та, первая, была именно Великой и именно Отечественной.

Еще в 1915 г. в глубоком тылу, в Поволжье, родились знаменитые строки:

«Не смеют крылья черные
 Над Родиной летать,
 Поля ее просторные
 Не смеет враг топтать!

Пусть ярость благородная
 Вскипает, как волна;
 Идет война народная,
 Священная война!»

И хотя эта песня и не получила тогда широкой известности, чувства, выраженные в ней, жили в каждом русском сердце. И эти чувства звали русских людей на Священную войну за величие своего Отечества...

Всякая война — это жертвы. Но если только жертвы, то это не война, а бойня...

Всякая война — это подвиги. Но если только подвиги, то это не война, а картина...

Война — это люди. Люди, их жертвы, страдания, подвиги... И каждый человек индивидуален, каждая жертва неповторима, каждый подвиг уникален.

И сегодня на суд читателей мы представляем те немногие крупинки, которые удалось собрать о жизни и судьбе всего лишь четырех русских воинов — Георгиевских кавалеров Великой войны, Отечественной войны, войны 1914 — 1918 г.г., сухо именуемой ныне: 1-й мировой...

* * *

В изданном под редакцией А.С.Корха и М.Д.Рабиновича буклете «100-летие освобождения Болгарии от османского ига» (Москва, 1977) с одной из фотографий смотрит открытое, благородное лицо российского офицера, в чертах которого угадывается его кавказское происхождение. Действительно, это подпоручик Дмитрий Иванович Абацев, осетин по национальности, ставший в войну с турками одним из

ординарцев знаменитого генерала М.Д.Скобелева 2-го, за свои многочисленные подвиги награжденный тремя Знаками отличия Военного Ордена (с 1913 г. — Георгиевский крест) и произведенный в офицеры. Это мы узнаем из буклета. Однако на этом не закончилась боевая карьера героя. Дмитрий Абациев принял активное участие во второй Ахал-Текинской экспедиции М.Д.Скобелева, был награжден орденом Святого Владимира IV ст. с мечами и бантом, а за подвиг при взятии Геок-Тепе получил от генерала Золотое (с 1913 г. — Георгиевское) оружие. Мало того, Абациев оказался не только отчаянно смелым человеком, но проявил и талант военачальника. К началу Великой войны Дмитрий Иванович, уже в чине генерал-лейтенанта, командовал казачьей конной дивизией. За многие боевые подвиги на Кавказском фронте Дмитрий Иванович был во время войны награжден орденами Св. Анны I ст. с мечами, Св. Владимира II ст. с мечами, Белого Орла с мечами, а за отличие при взятии турецкой крепости Эрзерум в феврале 1916 года — и орденом Св. Георгия IV степени. Закончил войну и свою боевую карьеру бывший крестьянин-осетин генералом-от-кавалерии. Скончался Дмитрий Иванович в Югославии после 1935 года. До последних своих дней он с гордостью носил пять Георгиевских наград: орден Св. Георгия, три солдатских креста и Золотую саблю.

... Уроженец одного из уфимских сел Александр Шердаков встретил Великую войну зрелым человеком — ему перевалило за тридцать, да и боевой опыт у него был немалый: за подвиги в Русско-Японской войне 1904 — 1905 г.г. старший унтер-офицер Шердаков был награжден четырьмя Знаками отличия Военного ордена, несколько раз ранен. В Уфимскую дружину он вступил добровольцем сразу по объявлении мобилизации. В течение первого года войны он становится полным кавалером Георгиевской медали «За храбрость», производится сначала в подпрапорщики, а затем и в прапорщики. Офицерское звание не послужило для Шердакова поводом укрыться за спинами солдат; в конце 1916 года в одном из номеров «Петроградского

листка» была опубликована небольшая фотография, на которой запечатлен «зауряд-капитан» (так на подписи) Шердаков с орденом Св. Георгия IV ст., Георгиевским оружием, орденами Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, Св. Анны II ст. с мечами и III ст. — с мечами и бантом, Св. Станислава II ст. с мечами и III ст. — с мечами и бантом, Георгиевскими крестами I и III ст. и Георгиевскими медалями I и III ст. Такого «иконостаса» (десять Георгиевских наград!), пожалуй, не было больше в Российской Императорской Армии... К сожалению, дальнейшая судьба А.Шердакова неизвестна.

... В 1969 году в г.Коврове скончался ветеран Русской армии, бывший фельдфебель 2-й роты 236-го пехотного Борисоглебского полка Илья Васильевич Волков. Интересна и необычна судьба этого крестьянского сына из села Заполитова Воронежской губернии. Родился Илья Васильевич в 1879 году. В 1904 — 1905 годах принял участие в Русско-Японской войне. Его боевой путь отмечен сражениями у стен Порт-Артура, под Ляояном и Мукденом. В этих сражениях Волков был ранен. Однако то ли начальство не усмотрело особых отличий в его боевых делах, то ли награды не нашли тогда Илью Васильевича, но домой он вернулся с одной медалью за участие в войне (правда, серебряной и с бантом). И не знал и не думал тогда отставной солдат Волков, что все его кресты еще впереди. А крестов было немало — пять. Дважды оказался Волков награжден Георгиевским крестом III-й степени. Конечно же, это нарушение Статута. Более того — наверняка это случайное нарушение. Однако не может быть и сомнения в том, что за **каждым** крестом стоит

Георгиевские кавалеры.
Первый слева — Илья Васильевич Волков

воинский подвиг! Об одном из них рассказывает свидетель, генерал-лейтенант в отставке М.Н.Герасимов:

«В конце лета 1916 года в одной из ночных вылазок в районе Барановичей группа разведчиков полка, в котором воевал Волков, попала в засаду. После короткой перестрелки произошла отчаянная рукопашная схватка. Был убит офицер. Понесли потери и немцы. Взбешенный неудачей враг надругался над трупом русского офицера, повесил его на колючей проволоке вблизи своих пулеметных точек. Буря возмущения прокатилась по русским окопам. В 236-м пехотном полку несколько солдат-смельчаков на свой страх и риск предприняли дерзкие попытки снять тело офицера, но безуспешно. Тогда командование полка провело атаку позиций силами батальона. К сожалению, все прошло не так, как хотелось, уцелели два немецких пулемета в бетонированных капонирах, и эти пулеметы последовательно отбили все восемь атак полка.

Батальоны готовились к новой атаке. Фельдфебель Волков по дну неглубокой траншеи бесшумно вы-

полз наверх, долго петляя по нейтральной зоне, он все ближе и ближе подбирался к пулеметным гнездам противника. Смелчак рывком преодолел последние препятствия. Два-три отчаянных прыжка, и вот его кряжистая фигура согнулась над немецким окопом. Кайзеровские солдаты в оцепенении уставились на грозного «гостя». А тот по брустверу первой траншеи, наступая сапожниками на прицельные планки винтовок, мчался к доту. Потом с ходу метнул связку гранат в дверь пулеметного капонира, перепрыгнул траншею и побежал к трупю офицера. Рывком снял его с проволоки, взвалил на спину, отбежал шагов пятнадцать и упал в подвернувшуюся воронку. Затем переждал огонь врага и, выбиваясь из сил, приполз к своим окопам». Именно за этот подвиг И.В.Волков и получил свой второй крест III-й степени. В августе 1916 года он получил II-ю степень, а в октябре — I-ю, став таким образом кавалером пяти Георгиевских крестов. Конечно, это произошло из-за «накладок» при прохождении наградных документов. В войне такого масштаба это неизбежно. В таких случаях награжденный, как правило, возбуждал ходатайство о замене знака, ошибочно врученного ему повторно, на более высокую степень. Волков же, видимо, этого не стал делать, хотя и сулила такая замена более высокую денежную надбавку к жалованию. Так, благодаря своей скромности, он и стал обладателем пяти крестов. Кстати, знаки эти сохранились у потомков Ильи Васильевича. Для любителей старины назовем даже номера крестов:

- I-я степень — №14357
- II-я степень — №18654
- III-я степень — №86324
- III-я степень — №117607
- IV-я степень — №42701

Надо заметить, что Волков в своей «скромности» не одинок. В Русской армии служили по крайней мере еще три кавалера пяти «Георгиев». Это подпрапорщики Землин, Леонов и еще один Волков — Аввакум Николаевич. Однако А.Н.Волков — единственный из этой плеяды героев, кто был награжден пятью крестами «законно». Дело в том, что А.Н.Волков, служивший в Русско-Японскую войну в Приморском драгунском полку, не раз ставил свое начальство в тупик в вопросе наград. Тринадцатилетним мальчиком А.Н.Волков был награжден Знаком отличия Военного Ордена IV ст. еще за Китайский поход 1900 — 1901 г.г. В 1904 г. шестнадцатилетний горнист пошел добровольно в разведку и за отличие в ней получил III-ю степень Знака. Во второй разведке он попал в плен и был осужден на казнь, однако бежал и после девятидневных скитаний доставил в часть ценные сведения. Это принесло Волкову представление ко II-й степени «Георгия», а к I-й степени его представили за исключительный подвиг — находясь вновь в разведке, Аввакум убил в тылу неприятеля часового и взорвал крупный склад боеприпасов. Затем герой не раз еще был в разведке и стычках с врагом. Однако начальство не знало, к какой награде его представить. В семнадцать лет он стал старшим унтер-офицером, и в конце концов получил единственную в своем роде в годы Русско-Японской войны награду — шейную медаль «За храбрость». Надо сказать, что Знаки отличия Военного Ордена I и II степеней Аввакуму вручал в Царском Селе лично Госу-

дарь Император Николай Александрович. Аввакуму исполнилось тогда всего 18 лет!

Но судьбе было угодно поставить Аввакума на исключительную ступень в иерархии солдатского подвига. 26-ти летний доброволец подпрапорщик А.Н.Волков в августе 1914 года в первом же бою, находясь опять в разведке, завершил с группой своих однополчан разгром штаба вражеского полка, лично зарубив четырех солдат и офицера, и доставил в свою часть знамя полка. За этот подвиг Аввакум Волков личным распоряжением Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича (Младшего) был награжден Георгиевским крестом I степени, представлен к производству в прапорщики и поощрен денежной премией — 500 рублей. Однако дальнейшая судьба его неизвестна...

* * *

Четверо россиян, четыре судьбы... Четверо кавалеров «белого крестика» — самой почетной русской боевой награды, ласково прозванной в народе «Егорием».

Крестьянин Дмитрий Иванович Абацев — генерал-от-кавалерии, осетин — воин России, награжденный и солдатским Знаком отличия, и сановным орденом Белого Орла, герой многих войн и походов, окончивший свои дни в изгнании...

Уфимец Александр Шердаков — участник Японской и Германской войн, кавалер полных — солдатского и обер-офицерского наградных «бантов»...

Илья Васильевич и Аввакум Николаевич Волковы — кавалеры пяти солдатских крестов...

Герои Великой войны.

Русские солдаты.

К ВОПРОСУ О «ДОПУСТИМОСТИ», «ЛЕГИТИМНОСТИ» И «ПРАВОМОЧНОСТИ» ...

(Из истории Георгиевских наград
на Востоке России в 1918 — 1919 г.г.)

Вариант Государственного герба, принятый на Востоке России при Адмирале А.В.Колчаке

1. О «ДНЕВНИКЕ» БАРОНА БУДБЕРГА

*И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.*

А.С.Пушкин

«Дневник» генерал-лейтенанта барона Алексея Павловича Будберга, впервые увидевший свет на страницах гессеновского «Архива Русской Революции»¹, а впоследствии неоднократно издававшийся частями в Совдепии, несомненно является ценнейшим историческим источником.

Следует лишь помнить, что ни один исторический источник, ни один документ эпохи не является носителем не только исторической истины, но и даже всей правды эпохи.

Любое свидетельство эпохи субъективно, это отражение исторического события или факта в зеркале, но в зеркале кривом. И, может быть, именно в этой субъективности, именно в этой кривизне отражающего зеркала и заключена та особая прелесть, та уникальность, та неповторимая индивидуальность, что позволяет выделить именно тот или иной документ из целого ряда других.

К прискорбию отечественной исторической науки, «нас всех учили понемногу чему-нибудь и как-нибудь», а не толковому анализу исторического источника.

Поэтому, приветствуя появление в России наконец-то полного издания текста «Дневника» и безоговорочно признавая его историческую ценность, позволю себе высказать два соображения самого общего историковедческого характера.

Во-первых, «Дневник» является дневником лишь по форме, а не по содержанию. По содержанию же это — памфлет.

Ведь что такое дневник? Как правило, поденные записи (впрочем, возможны и пропуски) фактологического характера, иногда запись той или иной мысли, показавшейся достойной того, чтобы потом к ней вернуться и додумать, и небольшие по объему. Если же человек начинает писать «дневник» месяцы, а то и годы спустя, то говорить о таком «дневнике» можно лишь с точки зрения литературной формы. Думаю, впрочем, что вряд ли найдется человек, который отнесет «Дневник» барона Будберга к литературе художественной, хотя литературным слогом Алексей Павлович владеет блестяще.

Что заставляет меня предполагать, что «Дневник» написан значительно позднее описанных в нем событий? Анализ поденных записей, их объем, несоответствие записи фактическим обстоятельствам или психологическому состоянию автора, множество анахронизмов — все это позволяет датировать написание «Дневника» временем, когда Колчаковская эпопея барона Будберга уже завершилась, то есть не ранее 1920 года.

Означает ли это, что в интересующий нас период барон Будберг вообще не вел дневника? Отнюдь нет, разумеется!

Означает ли это, что поденные записи существенно отличаются от опубликованного текста? Разумеется, да!

Означает ли это, что «реальный» дневник Алексея Павловича является более важным историческим документом и, следовательно, более достоин публикации, чем «Дневник»? Нет, нет и еще раз нет!

Просто надо помнить, что «Дневник» — зеркало более кривое, чем дневник.

Второй особенностью «Дневника», на которую мне бы хотелось обратить внимание, является подбор источников. Барон Будберг чаще предстает как аккумулятор газетных сообщений, рассказов очевидцев, различных слухов, грязных сплетен и так далее, чем как свидетель того или иного события, как человек, наблюдающий то или иное явление изнутри, а не снаружи. Автор «Дневника» не знал, да и не мог знать, ни военной, ни политической «кухни» ни Омска, ни Харбина. Зато о «кухонных» склоках, дрызгах и скандалах он был прекрасно осведомлен.

Очевидно, что обе указанные выше особенности «Дневника» вынуждают вдумчивого исследователя с большой осторожностью подходить к фактологической канве повествования, к историческому факту в интерпретации барона Будберга.

Вот, например, как изложена в «Дневнике» история награждения весной 1919 года Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего Адмирала Александра Васильевича Колчака Орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 3-ей степени:

Адмирал А.В.Колчак. Харбин, 1918

«Другой случай печального воздействия старших военных начальников на адмирала — это принятие им от Гайды и Ко. ордена Георгия 3 степени за победоносный зимний поход и взятие Перми. Я не знал этого пожалования и, видя на адмирале шейного Георгия, думал, что он получил его на флоте в прошлую войну; поэтому, когда Лебедев в вагоне у адмирала заговорил о пожаловании георгиевских крестов за какой-то бой, то я, не стесняясь в выражениях, высказал свой взгляд на позорность такого награждения во время гражданской войны. Только после, когда мне объяснили, в чем дело, я понял ошалевшие взгляды и отчаянные жесты присутствовавших, делаемые мне с соседнего с адмиральским стола.

Как невысока должна быть идеология тех, которые додумались до того, чтобы поднести Верховному Правителю и уговорить его принять высочайшую военную награду за успехи в междоусобной войне»².

«Лавры Пермской победы вскружили всем головы; посыпались награды, на фронте имеется уже несколько кавалеров ордена Георгия 3 степени; бывшие штабс-капитаны сделали генерал-лейтенантами; немудрено, что от этого даже у более уравновешенных честолюбцев глаза и зубы разгорелись. В наградном чаду дошли даже до того, что высоко залезшие георгиевские кавалеры пов-

торили киевскую комедию с георгиевским крестом Государю, и на Пасху поднесли адмиралу Георгия 3 степени за освобождение Урала. Слабохарактерный адмирал не нашел в себе силы воли и широты взгляда приказать забыть даже о таких награждениях — и принял крест»³.

Бедный Алексей Павлович! Его прямота, резкость, бескомпромиссность, обида, любовь к Родине, боль за свою ненужность и никчемность, острый ум, зависть — все черты его непростого, запутанного, отнюдь не идеального, но, несомненно, выдающегося характера, характера военного профессионала высшей квалификации, образованнейшего человека своего времени, горячего русского патриота, человека глубоко и искренне верующего, монархиста до корней волос и кончиков пальцев, — вынудили его написать неправду (то есть не то, что было) о Государе Императоре, о Российской Императорской Армии, о Георгиевской Думе, об Адмирале Колчаке, о командирах-сибиряках и командирах-волжанах, о казаках и об их атаманах, о сотнях офицеров и тысячах солдат, воевавших с красными, наконец, об Ордене Святого Великомученика и Победоносца Георгия — этом символе Русского Воинства на протяжении многих веков, — лишь для того, чтобы оправдаться в собственных глазах за бездействие, неучастие в борьбе, позицию стороннего наблюдателя.

Ведь на самом деле все это было совсем не так...

2. КАК ЭТО БЫЛО ...

На заседании 15 апреля 1919 года в Екатеринбурге собранная при штабе Сибирской Армии Георгиевская Дума под председательством Командующего Армией генерал-лейтенанта Гайды в составе членов: генерал-лейтенанта Пепеляева, генерал-лейтенанта Вержбицкого, генерал-майора Зиневича, генерал-майора Богословского, генерал-майора Томашевского и полковника Лабунцова — постановила:

«За разгром армий противника Русскими Армиями под управлением Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего Адмирала Колчака на основании параграфа 1 статьи 8-ой Георгиевского статута, просить Верховного Правителя и Верховного

Главнокомандующего Адмирала Колчака принять Орден Святого Георгия 3-ей степени»⁴.

Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий своим приказом за №121 от 20 апреля 1919 года, данном в городе Омске, утвердил это постановление, добавив от себя:

«Принимая эту высокую воинскую награду, я уверен, что доблестная возрожденная Русская Армия не ослабнет в своем порыве и до конца доведет дело освобождения России от врагов и поможет ей стать снова могучей и сильной в среде великих держав мира»⁵.

Приказ этот вышел из печати 30 апреля.

Накануне — 29 апреля — в Омск прибыл Алексей Павлович Будберг. Приказ о его назначении на должность⁶ последовал лишь 3 мая (опубликован 8 мая), поэтому утверждение барона Будберга о том, что он-де «не знал этого пожалования», не выдерживает никакой критики.

Далее. Алексей Павлович впервые встретился с Александром Васильевичем на другой день после своего прибытия в Омск, в день выхода из печати приказа №121. У меня есть веские основания полагать, что в это время Александр Васильевич не носил еще шейного Георгия, а носил шейного Владимира с мечами. Поэтому утверждение автора «Дневника» о том, что он «думал, что он (Колчак) получил его на флоте в прошлую войну» крайне неубедительно.

И, наконец, просто неправдоподобна сцена, обрисованная бароном Будбергом: начальник штаба докладывает Главверху о производимых награждениях, а находящийся в распоряжении вышеуказанного начальника штаба и ожидающий вакантной должности в рядах Армии генерал позволяет себе вмешаться, более того, заявляет о «позорности» награждений, официально принятых в Армии, той самой Армии, чином которой он еще, по сути, не является, но очень хочет быть.

Еще интереснее расхождение в определении повода для награждения: то ли «за освобождение Урала», то ли «за взятие Перми и зимний поход». Объяснил бы только кто, что это такое — «зимний поход»? Русская Армия зимой 1918 — 1919 г.г.

никаких «походов» не совершала, да и совершать не могла — билась на огромном фронте против превосходящих сил красных: части, составившие Сибирскую Армию, во встречаемых боях громили части и соединения 2-ой и 3-ей армий красных (взятием Перми эта борьба не ограничилась и даже не завершилась); части, составившие Западную Армию, активно оборонялись в предгорьях Урала, не позволяя красным (5-ая армия) форсировать Уральские дефиле; Оренбуржцы, воюя на два фронта (против 1-ой и Туркестанской армий красных), и Уральцы, у которых фронтов, пожалуй, не было, а были направления, не смогли удержать Оренбург и Уральск, но дальнейшее наступление красных остановили.

Взятие Перми войсками 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса под командованием генерал-майора Пепеляева 24 декабря 1918 года на этом фоне действительно было ясной, видимой, осязаемой победой, но особенных наград она не принесла: только Гайда и Пепеляев были произведены в генерал-лейтенанты (впрочем, должности, которые они занимали, давали им все права на этот чин).

Что же касается «освобождения Урала», то тут вообще ничего не ясно. Урал был освобожден еще летом 1918 года, когда не было настоящей армии, а были отряды, колонны, группы, войска того или иного района; когда не было иных награждений, кроме производства в следующий чин; а Александр Васильевич Колчак еще и представить не мог, что он окажется в Сибири диктатором.

Весеннее же (1919 года) наступление войск Восточного фронта, подготовленное в Ставке Александра Васильевича Колчака, действительно потрясло красный фронт до основания. После мартовского удара красные армии смогли перейти к активным действиям лишь: 3-ья армия — в июле, 2-ая — в июне, 5-ая — в мае, да и то лишь после усиленного вливания живой силы и техники, собранной буквально со всей Советской России и брошенной «Все на Колчака!». Части же 1-ой и 4-ой армий, блокированные, соответственно, в Оренбурге и Уральске, вообще утратили боеспособность.

И, наконец, последнее, что бы мне здесь хотелось отметить. Пос-

леднее по месту, но не по значению. Крест Адмиралу был «поднесен к Пасхе». Здесь барон Будберг оговаривается, и оговаривается очень знаменательно. В его же «Дневнике» указано, что Пасха в 1919 году была 20 апреля — в день подписания приказа №121. Знал Алексей Павлович, знал «об этом пожаловании»... И читать надо не «поднесли», а «сам себя наградил ради светлого Праздника Христова Воскресения»...

3. АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ КОЛЧАК – «ЛИШЕННЫЙ СИЛЫ ВОЛИ И ШИРОТЫ ВЗГЛЯДА СЛАБОХАРАКТЕРНЫЙ АДМИРАЛ, НАХОДЯЩИЙСЯ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ СТАРШИХ ВОИНСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ»...

— ... *Кто такой Суворов?*
— *Тезка Адмирала Колчака.*

Виктор Севский

Об Александре Васильевиче Колчаке нынче в России пишут много. Хотя и не всегда дельно. Но все равно это хорошо. Хорошо, потому что лживость знаменитого ленинского «порол учительниц и расстреливал рабочих и крестьян» ясна всякому, кто имеет глаза и уши. Имя магнитолога и гидрографа, который был известен всему научному миру, отважного исследователя Севера, который получил почетное прозвище «Полярный», лихого моряка, героя трех войн, мировой известности в вопросах минных поставок и морских десантов, Командующего Черноморским флотом в 1916 — 1917 годах, непримиримого борца с большевизмом и горячего патриота России, Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего в 1918 — 1920 годах, человека, прожившего «жизнь для всех» и принявшего «смерть за всех» — возвращено России.

Был ли Александр Васильевич честолюбив? Наверное, да. Ведь он всегда был (подчеркиваю, **был**, а не хотел быть) впереди.

В Морском Корпусе — пример для подражания младших, фельдфебель строевой роты, «лауреат» премии Адмирала Рикорда, второй в выпуске...

Юный мичман, мечтающий о полярных исследованиях, скромный вахтенный начальник, за пять лет дока-

завший научными изысканиями свое право на участие в полярной экспедиции барона Толля...

Лейтенант флота, на заседании Императорского Географического общества выдвинувший и отстаивавший идею организации шлюпочной экспедиции по розыску и спасению своего начальника, возглавивший и осуществивший эту экспедицию, к сожалению не увенчавшуюся успехом, но оцененную по достоинству: от Государя Императора — Орден Св. равноапостольного князя Владимира 4-ой степени, а от Географического общества — высшая награда — большая золотая Константиновская медаль...

Сразу с Севера — в Порт-Артур. Командование миноносцем и батареями на сухопутном фронте. Георгиевское оружие...

Работа по созданию Морского Генерального Штаба, по возрождению флота, по разработке Большой Морской программы, борьба за ассигнования на возрождение флота в Государственной Думе...

Разработка и постройка специальных судов для полярных экспедиций и новая экспедиция на Север во главе одного из них...

Штабная работа на Балтике накануне Великой войны...

Постановка минных банок (на свой страх и риск, без приказа!) на Або — Аландской позиции за несколько часов до начала военных действий...

Миноносцы под командованием капитана I ранга Колчака вынесли основную тяжесть войны на Балтике до вступления в строй дивизии линкоров — детища Большой Морской программы...

В 1915 году — Великое Отступление: обнажился сухопутный фланг флота; угроза нависла над Ригой... 7 октября Колчак руководит высадкой десанта в тыл немцам. Орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-ой степени... В том же году участие в Готландском сражении, борьба с миноносцами противника, борьба на коммуникациях, новые минные поставки, оборона Рижского залива... И награды: шейный Владимир с мечами, личный подарок от Государя...

1916 год принес новые награды. Командование Минной дивизией Бал-

Генерал-лейтенант Р.Гайда.
Предположительно, фотография
1930-х г.г.

тфлота, чин контр-адмирала и (через два с половиной месяца!) — вице-адмирала и назначение Командующим Черноморским флотом... И новые заботы: борьба с «Гебеном» и «Бреслау», морская блокада турецких и болгарских берегов, помощь Румынии, новые десантные операции и — как венец — подготовка Дарданелльской десантной операции...

1917... Год, когда вся Россия, кажется, сошла с ума. Чего стоил этот год Александру Васильевичу? Как оценить тот факт, что на Черноморском флоте ничего похожего на «балтийские эксцессы» не было не только при Колчаке, но и пол-года спустя? Он оказался лишним в России: «Я хотел вести свой флот по пути славы и чести, но бессмысленное и глупое правительство и обезумевший дикий (и лишенный подобия) не способный выйти из психологии рабов народ этого не захотели», — писал он в неотправленном письме другу. Что ж, он уехал к союзникам — передавать им опыт новейших тактических и оперативных приемов борьбы на море: применение морской авиации, приемы минной войны, разработка и проведение десантных операций... Узнав же о заключении перемирия на Восточном фронте Великой войны, поспешил в Британскую армию добро-

вольцем. Британским Военным Министерством был направлен в Месопотамию — там были русские войска, но доехать не успел — русские воевать не хотели и голосовали за мир ногами...

1918 год принес новые надежды и новые разочарования. Неудачная попытка организовать вооруженную антибольшевистскую силу в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги. Визит в Японию. Попытка пробраться на Юг России, к генералу Алексею. Неожиданное предложение Болдырева поработать в Совете Министров Омской Директории. И — ноябрьский переворот...

Это ли отсутствие силы воли и широты взглядов? Это ли слабохарактерность? Это ли нахождение под печальным воздействием старших начальников?

4. ... И «БЫВШИЕ ШТАБС-КАПИТАНЫ, СДЕЛАВШИЕСЯ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТАМИ, ВЫСОКО ЗАЛЕЗШИЕ ГЕОРГИЕВСКИЕ КАВАЛЕРЫ, ЧЕСТОЛЮБЦЫ С РАЗГОРЕВШИМИСЯ ГЛАЗАМИ И ЗУБАМИ»

*Сибири поля опустели,
Добровольцы готовы в поход!
За край родимый, к заветной
цели
Пусть каждый с верою идет!*

В состав Георгиевской Думы, сформированной при штабе Сибирской Армии, постановившей просить Адмирала принять шейного Георгия, входило три генерал-лейтенанта. Это Командующий Сибирской Армией Гайда, Командующий Северной Армейской группой Пепеляев и Командующий Южной Армейской группой Вержбицкий. Действительно, высший командный состав армии. Что позволило этим людям «залезть» столь высоко?

Гайда. Младший обер-офицер австрийской армии, в первом же бою перешедший на сторону сербов. Доброволец сербской, румынской и русской армий. В рядах чешских легий в России — отделенный, взводный и ротный командир. Герой Зборова и Бахмача. Кавалер Георгия 4-ой степени, Георгия с пальмовой ветвью и Владимира 4-ой степени с мечами и бантом. Когда Россия стала Советской, Чехокорпус из «братушки» стал пасынком. Чтобы избежать участи

польских войск русской службы, чехи приняли покровительство Франции. Русский командный состав стали смещать со строевых должностей. Появились вакансии. Так Гайда стал капитаном французской службы и батальонным командиром.

В ночь с 25 на 26 мая 1918 года капитан Гайда со своими подчиненными при поддержке местной конспиративной офицерской организации разогнал Красную Гвардию и ликвидировал органы Советской власти в Ново-Николаевске. На западе — в Омске — и на востоке — в Томске — были красные. Ближайшие очаги «белочешского мятежа» находились в Челябинске, захваченном войсками Войцеховского 26 мая (запад) и в Мариинске, занятом войсками капитана Кедлеца 25 мая (восток). Кедлец был ближе, и Гайда во главе 200 бойцов двинулся на восток. 30 мая Гайда со своей усиленной ротой вошел в Томск, уже сутки как освобожденный местной организацией полковника Сумарокова, а на следующий день на станции Тайга соединился с войсками Кедлеца. Развернувшись на 180 градусов, Гайда бросается на запад, где под Омском идут неудачные для чехов и сибиряков бои. 8 июня Омск пал, атакованный с востока войсками Гайды, с юга — Войцеховского, с запада — подразделениями капитана Жака, поручика Грабчека и белоповстанцами Ишима, Кургана и Петропавловска. В самом Омске было поднято восстание местной офицерской организацией.

Путь от Челябинска (включительно) до Красноярска (исключительно) был освобожден от красных. На юге войскам Войцеховского надо было теперь соединиться с группой Чечека, пробывавшейся с боями на восток от Пензы (25 мая) к Самаре (8 июня). На восток же до Владивостока были тысячи и тысячи верст и только два очага борьбы: в районе Нижне-Удинска местные повстанцы вели бои на два фронта — на север (против Красноярска) и на юг (против Иркутска); да в Забайкалье во главе Особого Маньчжурского Отряда шел на красную Читу есаул Семенов. С северо-запада Омску угрожала красная Тюмень и ее форпост — Ялуторовск.

Чехи «поделили сферы влияния» очень быстро. Войцеховский ушел на юг, на соединение с войсками

Чечека. Из оставшихся войск было сформировано два отряда: Отряд чехо-войск, действующий западнее Омска (подразделения 2-го и 6-го полков) и Отряд чехо-войск, действующий восточнее Омска (подразделения 6-го и 7-го полков). Этот последний получил под свою команду Гайда.

В том же направлении — на восток — должны были действовать и повстанческие части сибиряков, сформированные восточнее Омска: вышедшие из подполья организации Ново-Николаевска, Томска, Барнаула, Бийска, Кузнецка и ряд партизанских отрядов, вышедших из тайги. 12 июня все эти части были сведены в Средне-Сибирский корпус (Средняя Сибирь — место формирования и направление действий; далее — на восток по Транс-Сибирской железнодорожной магистрали). Во главе этого корпуса был поставлен герой Томского восстания молодой подполковник Пепеляев, кадровый офицер 42-го Сибирского стрелкового полка.

«На Великую войну он пошел в чине поручика — Начальника полковой команды конных разведчиков. В течение всей войны он держался просто, не старался обставить себя комфортом, как это замечалось у некоторых, дисциплину в своей команде он поддерживал строгою... Люди, знавшие его еще по Германской войне, указывают, что у Пепеляева наблюдалось стремление проводить в жизнь суворовскую тактику. В боевом отношении он считался дельным офицером. Там же, на Германской войне, Пепеляев получил Орден Святого Георгия 4-ой степени и Георгиевское Оружие за разведки на реке Неман в конце 1915 года. В то время он командовал отрядом конных разведчиков всех четырех полков дивизии»⁷.

Через месяц после начала восточного похода войска Пепеляева и Гайды (оба к тому времени были уже произведены в полковники), продвигавшиеся уже за Иркутск и готовившиеся вступить в Забайкалье, были объединены под оперативным командованием Гайды в Восточный фронт.

В августе войска Восточного фронта в двух операциях — Выдрино—Мурино—Салзан и Танхой—Мысовая—Посольская разгромили противостоящие им красные войска

Прибайкальского фронта. Созванная при Штабе фронта Георгиевская Дума в конце августа представила к награждению ряд офицеров, в том числе Орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 3-ей степени — Гайду и Пепеляева и 4-ой степени — Кедлеца, Ушакова и Макарова. Утвердить награждение должна была верховная Российская власть...

В сентябре Забайкалье было окончательно очищено от большевиков и открыт свободный путь до Владивостока. Пути Пепеляева и Гайды на время разошлись. Гайда отправился во Владивосток, в штаб корпуса, где был утвержден в чине полковника и получил под команду 3-ю дивизию (только что сформированную) Чехо-корпуса. Однако на теплом месте в тылу не усидел, попросился перевести его на русскую военную службу, был переведен с чином генерал-майора и назначен командовать Екатеринбургской группой войск. Пепеляев же (тоже произведенный в генерал-майоры), после двухнедельного пополнения и приведения частей своего корпуса в порядок в местах формирования, также отбыл с корпусом на запад... в состав Екатеринбургской группы войск, под командованием Гайды. Полтора месяца таранил корпус Пепеляева красные войска 3-ей армии Восточного фронта РСФСР и, наконец, протаранил: 24 декабря Пермь была взята, 3-ья армия, потеряв половину состава, 2/3 пулеметов, 3/4 орудий и все бронепоезда, побежала на запад (Пермская катастрофа). За эти бои Гайда и Пепеляев были произведены в чин генерал-лейтенанта. Утверждение же осенних представлений к шейному Георгию последовало еще раньше, в начале декабря⁸...

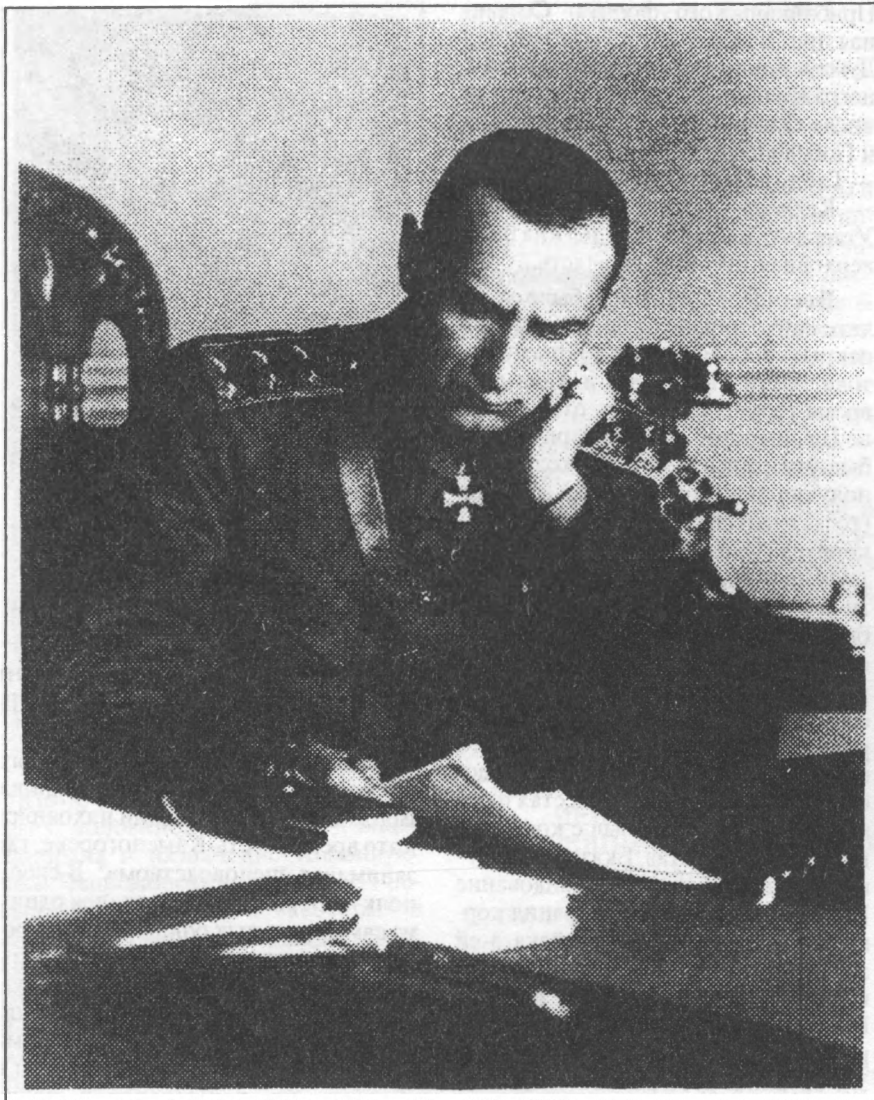
Вернемся в начало лета 1918 года. Одновременно с формированием Средне-Сибирского корпуса началось формирование и Степного Сибирского корпуса. В Омске формировалась 1-я Степная Сибирская дивизия из его состава. Начальником ее был назначен полковник Фукин, кадровый офицер 44-го Сибирского стрелкового полка, который не спешил выводить дивизию на фронт, за что и был отстранен от исполняемой им должности. «На место полковника Фукина офицерами 44-го Сибирского стрелкового полка, занимавшими в это время различные посты в штабе корпуса и дивизии,

Генерал-лейтенант
А.Н.Пепеляев. 1919

была выдвинута кандидатура другого их однополчанина — полковника Вержбицкого. Последний находился в это время в Усть-Каменогорске, где занимался пчеловодством»⁹. В своем полку «Вержбицкий считался одним из самых дельных офицеров. Он провёл в должности Командира роты этого полка всю Русско-Японскую войну. Осторожный, умный, воспитанный, с выдержкой и большими познаниями в области литературы и истории, он пользовался в полку уважением... «Гриша», как звали его в полку, считался «стратегическим резервом»... За Великую войну он получил Орден Св. Георгия 4-ой степени и Георгиевское Оружие. В октябре 1916 года полковник Вержбицкий был назначен Командиром 336-го пехотного Ефремовского полка. За бои под Сморгонь — Крево в 1917 году он был удостоен солдатами полка награждения солдатским Георгиевским крестом с пальмовой веткой. 1 сентября того же года он вступил в командование бригадой 134-ой пехотной дивизии. После захвата власти большевиками и начавшегося полного развала частей фронта, полковник Вержбицкий был судим за неповиновение Советской власти, но спасенный преданными ему солдатами 536-го и 534-го пехотных полков бежал и, уехав в Омск, затем скрылся в Усть-Каменогорск»¹⁰. Вержбицкий принял предложение

Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России Адмирал А.В.Колчак. 1919

комкора Степного о вступлении в должность начдива, 20 июня прибыл в Омск, а 21 уже отбыл с дивизией на поддержку Отряда Чехо-войск, действующего западнее Омска, под командой Сырового. Через месяц за взятие Тюмени Вержбицкий был произведен в чин генерал-майора. В августе его дивизия сменила номер и стала называться 4-ой Сибирской стрелковой дивизией II-го Степного Сибирского армейского корпуса. В январе 1919, в связи с переформированием корпуса в два: II-ой Степной Сибирский отдельный и III-ий Степной Сибирский армейский — генерал-майор Вержбицкий возглавил этот последний. В феврале произведен в генерал-лейтенанты. Его корпус, вместе с I-ым Средне-Сибирс-

ким армейским корпусом генерал-лейтенанта Пепеляева и Сводным корпусом генерал-майора Гривина входил в состав Сибирской армии (второго формирования — переформированная Екатеринбургская группа). Командовал этой армией Гайда.

В марте Сибирская армия перешла в наступление. А в апреле войска Вержбицкого взяли Ижевск (по сути — повторив Пермскую катастрофу, только на этот раз до основания была потрясена не 3-ья, а 2-ая армия красных). За эти бои Вержбицкий был представлен к шейному Георгию¹¹. Ввиду того, что наступление Сибирской армии развивалось в расходящихся направлениях, 14 апреля были образованы две армейские группы: Северная и Юж-

ная (прообразы будущих 1-й и 2-й армий). Северную возглавил Пепеляев, Южную — Вержбицкий (с правами Командующих неотдельными армиями).

... Где же барон Будберг увидел «наградный чад»? Все представления делались Георгиевской Думой на основании статей Орденского Статута и утверждались верховной властью.

В чем усмотрел он «комедию»?

Кто для Алексея Павловича «честолобец с разгоревшимися глазами и зубами»?

Гайда, Пепеляев, Вержбицкий?

А может быть, Александр Васильевич Колчак?

5. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА. ВОСТОК РОССИИ. СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ

...Конец весны — начало лета 1918 года. Молниеносное крушение Советской власти в Сибири, на Урале, в Поволжье...

8 июня освобождена Самара. Но красная тряпка продолжает рвать над городом — эс-эровский Комитет Членов Всероссийского Учредительного Собрания (которое было разогнано большевиками!) ничего не забыл и ничему не научился (самое страшное — что не поумнел). В городе формируются добровольческие части. Возглавляет их Генерального Штаба подполковник Каппель — монархист по убеждениям. Пролить кровь и класть жизни под этим знаменем — символом анархии и разрушения — они не будут, это понимают даже заседающие в Комитете эс-эры...

Их назвали — Народная Армия. В бой они пошли под оранжево-черным стягом (то, что раньше называлось — значок Командующего). У каждого на головном уборе был опознавательный знак армии — кокарда — стяг в миниатюре: маленькая георгиевская лента¹²...

Их видели Сызрань, Хвалынский, Вольск, Симбирск, Сенгилей, Казань... Их вели в бой Каппель, Махин, Степанов, Бакич, Нечаев... Их было немного — не более 20 тысяч за четыре месяца на 400-верстном фронте... Но у красных не было командира, который не был бы им бит, не было части, которая бы от них не бежала... Может быть, из-за этого их звали «офицерами» и «геор-

гиевцами», может быть, из-за ленточек — кто теперь скажет...

В июле восстания полыхнули по правому берегу Волги. И здесь повстанцам приглянулась георгиевская ленточка — ее носили в виде шеврона на рукаве. Ярославль, Углич, Рыбинск, Муром...

Поволжане воевали, не заботясь о чинах и наградах: очень их мало было. То ли дело — Сибирь. Сибиряки — народ основательный. К началу сентября — в войсках 60 тысяч, многие тысячи верст освобождены...

В июле постановили: в чины — производить, но не через чин, к наградам — представлять, но утвердить награждения должна верховная российская власть (когда образуется).

В сентябре и власть «сконструировалась» — Директория, только что-то не торопилась она утверждать представления к наградам. Все обещала, да обещала...

В ноябре Адмирал Колчак «вернул» Директорию, и уже 30 ноября им был подписан Приказ №55 о восстановлении празднования дня Святого Великомученика и Победоносца Георгия:

«Считать этот день праздником всей Русской Армии, доблестные представители которой высокими подвигами, храбростью и мужеством запечатали свою любовь и преданность нашей Великой Родине на поле брани.

День сей торжественно праздновать ежегодно во всех воинских частях и командах»¹³.

Не прятался Александр Васильевич за чужие спины, держал не только свое, но и чужое слово, и с декабря начал утверждать представления Георгиевских Дум. Солдатскими же «Георгиями» награждать начал еще в ноябре. И награждение медалью «За храбрость» восстановил...

Не было знаков Ордена — не беда. Переделывали из солдатских

крестов. Их не хватало — носились «ленточки».

Запретил же только одну Георгиевскую награду — «Пальмовую ветвь» Временного Правительства¹⁴; причем запретил не только награждать впредь, но и носить уже пожалованные награды.

Зато ввел и новшества. За Тобольские бои Ижевской дивизии было пожаловано Георгиевское Знамя (раньше знамена жаловались только полкам).

Это новшество было поддержано. Так, за Великий Сибирский Поход Иркутскому артиллерийскому дивизиону 3-ей Сибирской стрелковой дивизии и Воткинскому артиллерийскому дивизиону 15-ой Сводной Воткинской дивизии были пожалованы Георгиевские Знамена за то, что они проделали весь поход, не потеряв ни одного орудия.

Что касается шейного «Георгия», принятие которого столь возмутило барона Будберга, то ведь не для славы Александр Васильевич его принял... Не для собственной славы. Он и так уже был георгиевским кавалером. Александр Васильевич восстанавливал армию. А армия — это традиции. Военная служба требует подвига, а подвиг — награды... А какая награда желаннее для истинного «воинника», чем «Егорий»?..

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив Русской Революции, издаваемый И.В.Гессеном. Т.12, Берлин, 1923; т.т.13, 14, 15, Берлин, 1924. В настоящее время это издание воспроизведено репринтным способом издательством «Тerra» (1991 — 1993).

2. Запись от 11 мая 1919 года. — АРР, т.14, с.242.

3. Запись от 16 мая 1919 года. — АРР, т.14, с.251. В этом пассаже абзацем выше автор «Дневника» оговаривается: «... судя по рассказам беспристрастных наблюдателей...»

4. РГВА, ф.39499, оп.1, д.13, л.51.

5. Там же.

6. «Состоящий в распоряжении Начальника моего Штаба Генерального Штаба Генерал-Лейтенант Барон Будберг назначается Главным Начальником Снабжений и Инспекций при Верховном Главнокомандующем с правами Командующего отдельной Армией в отношении личного состава всех подчиненных ему учреждений и лиц, а равно и гражданского населения; и по части хозяйственной — правами Главного Начальника Снабжений армий фронта...» — РГВА, ф.39499, оп.1, д.13, л.56. (Приказ Верховного Правительства и Верховного Главнокомандующего №126, г.Омск).

7. Филимонов Б.Б. На путях к Уралу. Поход Степных полков. С.31 — 32.

8. Приказ Верховного Правительства и Верховного Главнокомандующего №83 от 9 декабря 1918 г. (ГАРФ, ф.176, оп.14, д.31, л.95).

9. Филимонов Б.Б. На путях к Уралу. Поход степных полков. С.32.

10. Там же. С.33 — 34.

11. Утверждено Приказом Верховного Правительства и Верховного Главнокомандующего №117 от 12 апреля 1919 года (РГВА, ф.39499, оп.1, д.13, л.25).

12. Приказы по Народной Армии №№1, 11 и 17, все — от 8 июня 1918 года. Такими же были флаг и кокарда у Волжской Военной Флотилии до августа 1918 года.

13. РГВА, ф.40213, оп.1, д.2009, л.26.

14. Указ Верховного Правительства и Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России Адмирала Колчака от 6 февраля 1919 года.

А. КРУЧИНИН

ГЕОРГИЕВСКИЕ НАГРАДЫ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ ЮГА РОССИИ (1919 — 1920)

О наградах Белого движения сказано и написано уже немало, и все же представляется небезынтесным еще раз вернуться к одному из связанных с этой обширной темой вопросов — проблеме награждения Орденом Св. Георгия и Георгиевским Оружием, встававшей перед всеми вождями Белого Дела.

Фактическое отсутствие единого командования и разобщенность различных анти-большевицких фронтов обусловили то, что общей наградной системы Белого движения не было создано, как не было выработано и единого подхода к вопросу о допустимости награждения Российскими Орденами в междоусобной войне. Из всех руководителей русской контр-революции наиболее последовательную позицию по этому вопросу занимал Главнокомандующий Вооруженными Силами на Юге России генерал-лейтенант А.И.Деникин, считавший такие награждения невозможными, в первую очередь по моральным соображениям. В то же время, с целью изучения мнений об этом офицерства, распоряжением Главнокомандующего в феврале 1919 года была учреждена специальная комиссия под председательством командира бригады 4-ой пехотной дивизии¹ генерал-майора П.К.Писарева «для обсуждения вопроса о восстановлении орденских наград и медалей за усердие». В состав комиссии входили: от Штаба Главнокоманду-

ющего — член Наградной комиссии по производству офицеров генерал-майор Демьянов и начальник Наградного отделения Управления Дежурного генерала Штаглава полковник Яковлев; от армейских частей — 1-го Офицерского Генерала Маркова полка штабс-капитан Нагорный, 2-го Офицерского стрелкового Генерала Дроздовского полка полковник Руммель, Партизанского Генерала Алексева пехотного полка прапорщик Веселов и 3-го легкого артиллерийского дивизиона полковник Чашинский; от Кубанского казачьего войска — начальник Наградного отделения Войскового Штаба полковник Есаулов, 1-ой Кубанской казачьей дивизии есаул Соломихин и 2-ой Кубанской казачьей дивизии — полковник Логинов и есаул Еглевский. Представителей Всевеликого войска Донского в комиссии не было, скорее всего, из-за большей, по сравнению с Кубанью, независимости Дона от недавно установленного единого Главного Командования. На заседании 20 февраля 1919 года комиссия постановила:

«1) Восстановление награждения² всеми орденами и медалями желательно согласно положения об орденах и медалях.

2) Право обсуждения о представлении к награде предоставить орденским думами или общим собраниям офицеров, образуемым в каждой от-

дельной воинской части, не менее, однако, батальона.

3) Орденские статуэты оставить в силе, с тем, однако, чтобы расследование самого подвига производилось одним³ из кавалеров ордена Св. Георгия или Георгиевского оружия по принадлежности, а в состав думы входило не менее трех членов из числа старых добровольцев-кавалеров, как знающих особые условия этой войны.

4) Награждение орденами за периоды и по нормам не желательно. Если же таковые будут установлены, то награждение орденами Св. Владимира и Св. Анны 4-й степени с надписью «за храбрость» производить только за особые боевые отличия.

5) Лица, не принимавшие участия в боях, могут быть награждаемы за понесенные труды орденами без мечей и медалями «за усердие».

6) Орденом Св. Владимира 3-й степени желательно награждать бывших фактически в офицерских чинах не менее десяти лет⁴, в том числе в чине Полковника не менее трех лет⁵, считая и старшинство в чине.

7) Вместе с тем комиссия выказала свое пожелание за установление⁶ особого вида высокого ордена или знака «Возрождения России», одного типа, но двух степеней: первой за непосредственное участие в боях за

На заставке — вариант Государственного герба, принятый на территории Вооруженных Сил Юга России

освобождение России и второй — для лиц, не участвовавших в боях, но особо потрудившихся на пользу возрождения России»⁷.

Таким образом, представители молодого офицерства, составлявшие комиссию, достаточно определенно высказались за восстановление старой наградной системы с некоторыми исправлениями, вызванными новыми условиями Гражданской войны. Но, несмотря на это, генерал Деникин остался на своей прежней точке зрения, которая была изложена начальником Штаба Главнокомандующего, генерал-лейтенантом И.П. Романовским в циркулярном письме (от 17 марта 1919 года №7734), направленном командармам при препровождаемых копиях постановления комиссии:

«Главнокомандующий, со своей стороны, полагает, что награждение орденом⁸ Св. Георгия и Георгиевским Оружием вызовет большие сомнения.

До сего времени этими двумя высокими наградами награждались только за подвиги, оказанные в войне с внешним врагом, и награждение ими за подвиги в гражданской войне армиями может быть встречено различно.

Исследование подвига, должствующее предшествовать награждению, и во время предыдущих войн вызывало чрезвычайно много неудовольствий, осложнений и выявляло некоторые отрицательные стороны войсковой жизни; несомненно, теперь, при общем развале, падении дисциплины и нравов, надо ожидать, что каждое награждение будет сопровождаться потоками всякой грязи и дразг.

Кроме того, большим затруднением явится несоответствие во многих случаях Георгиевского статута условиям настоящей борьбы, что вызовет необходимость, в случае восстановления указанных наград, в учреждении особой комиссии для изменения и дополнения статута»⁹.

В том же письме генералом Романовским предлагался для обсуждения и вопрос о «награждении знаком отличия первого Кубанского похода 1-й степени знамени Корниловского полка». «Полагая, что пожалование

Генерал-лейтенант А.И.Деникин

это следует приравнять [к] пожалованию Георгиевского Знамени, — писал Романовский, — прошу по сему вопросу также дать заключение, имея в виду, что в других войсковых частях, находящихся в одинаковых условиях с Корниловским полком, знамен не имеется»¹⁰.

Переписка с командующими армиями, знакомившими с копиями письма и акта подведомственных им старших начальников, по-видимому, подтвердила точку зрения Главнокомандующего. Так, Инспектор артиллерии Крымско-Азовской Доброволь-

ческой Армии¹¹ в письме Дежурному генералу Штаба Армии от 4 мая 1919 года отмечал:

«Полагаю, что награждения г.г. офицеров орденами «за боевые отличия» и орденами «мирного времени»¹² и солдат медалями «за усердие» в гражданской войне следовало бы избежать, дабы сохранить высокое значение этих наград в памяти участников войны с внешним врагом и лиц, своим усердием потрудившихся на благо Единой, Неделимой России.

Что же касается создания особого ордена «Возрождения России», то

Генерал-лейтенант
И.П.Романовский

таковой в принципе желателен, но награждение этим орденом желательнее было бы приурочить к празднованию великого дня Возродившейся Единой, Мощной, Неделимой России, дабы все участники этой войны работали не за страх, а за совесть.

Возложение знака отличия первого Кубанского похода 1-ой степени на знамя Корниловского Полка, по-моему, преждевременно и вызовет скрытое недовольство других частей, не имеющих знамен, но находящихся в одинаковых условиях с этим полком»¹³.

Надо полагать, что это мнение разделяли и другие старшие начальники Вооруженных Сил Юга России. Об этом можно судить, например, по мемуарам одного из них, генерал-лейтенанта барона П.Н.Врангеля, весной 1919 года командовавшего Кавказской Добровольческой Армией. «Награждение подвигов, совершенных в междоусобной брани, общероссийскими орденами, коими доселе награждались подвиги в борьбе с внешним врагом, представлялось едва ли уместным», — вспоминал он¹⁴. Подобное бережное отношение к старым Русским боевым наградам и, особенно, к самым почетным из них — Георгиевским, — вообще было характерно для Юга России. Даже правительством Всевеликого войска Донского, проводившим в этом вопросе свою политику, не совпадавшую с политикой Главнокомандующего, были отвер-

гнуты неоднократно раздававшиеся на Дону (в том числе на заседаниях Войскового Круга) предложения о награждении Орденом Св. Георгия или Георгиевским Оружием двух прославленных казачьих генералов — К.К.Мамантова и А.К.Гусельщикова (и это несмотря на то, что вообще награждение старыми орденами, как за военные, так и за гражданские заслуги, широко практиковалось на Дону)¹⁵.

Что касается солдатских Георгиевских Крестов и медалей, то награждение ими рядовых солдат и казаков, вольноопределяющихся, унтер-офицеров, юнкеров, добровольцев и сестер милосердия происходило на всех территориях, занятых Белыми армиями. Для офицеров же Вооруженных Сил Юга России (за исключением Донцов) единственной наградой оставалось повышение в чине. Дежурный генерал Штаба войск Новороссийской области, генерал-майор Ветвеницкий так описывал процедуру представления к наградам офицеров и солдат:

«За боевые отличия офицеры могут представляться только [к] очередным чином, ходатайство возбуждается командиром части [в] форме установленного наградного листа с приложением краткой записки [о] службе (на чин подполковника и выше вместо краткой записки требуется копия послужного списка) и направляется по команде. [В] заголовке краткой записки или послужного списка необходимо указать, составлена ли [записка] на основании подлинного послужного списка представляемого, или же на основании свидетельских показаний; [в] последнем случае требуется приложить эти собственноручные показания [в] подлиннике. Солдаты и добровольцы представляются [к] Георгиевским крестам и медалям за подвиги, указанные [в] Георгиевском Статуте, тем же порядком, как и во время войны [на] внешнем фронте, награждаются крестами властью командира, а медалями властью начдива»¹⁶.

Надо заметить, что отказ от награждения Российскими Орденами вызывал и определенные неудобства, т.к. в Добровольческой Армии на протяжении всей ее истории обыч-

ным явлением была служба офицеров на солдатских должностях. Начальник штаба Днестровского отряда, Генерального Штаба полковник Петров специально запрашивал Штаб войск Новороссийской области, «подлежат ли награждению Георгиевскими крестами и медалями офицеры, состоящие на солдатских должностях»¹⁷. «Офицеры, независимо [от] занимаемой должности, — отвечал Ветвеницкий, — награждению Георгиевскими крестами и медалями не подлежат»¹⁸. Кроме того, необходимость представления послужных списков (чаще всего утраченных в огне Гражданской войны) также могла затруднить награждение достойных офицеров. Так, начальник 4-ой пехотной дивизии, генерал-майор Я.А.Слащов писал в Штаб войск Новороссии о командире своего личного конвоя капитане (есауле) М.В.Мезерничком, совершившем во главе конвоя рискованный рейд на гор. Могилев-Подольский, занятый крупными силами петлюровцев: «Солдат-героев наградили, но героя-начальника наградить не могу. Я его представлял [в] полковники три раза, ответа нет, а между тем он не только поднял восстание казаков, взявших 9 июля 1918 года Ставрополь, но [и] за все остальные бои проявил чудеса храбрости и распорядительности. Его не производят только за молодость и отсутствие послужного списка (он офицер Лейб-Гвардии Волынского полка)...»¹⁹

Такая практика награждения офицеров имела и еще один недостаток. «При непрерывных боях многие получали в течение двух лет несколько чинов, — вспоминал П.Н.Врангель, — и в штаб-офицеры и даже в генералы попадали совсем юноши. Являясь по своему чину кандидатами на высшие должности командиров частей и высших соединений, они не обладали ни достаточной зрелостью, ни должным опытом. Необходимо было, кроме чинов, ввести в армии другой вид боевых отличий»²⁰.

С этой целью 30 апреля 1920 года Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России генералом Врангелем был учрежден, «для увенчания славы героев и увековечения деяний их в памяти потомков, [...]

Генерал-лейтенант
Н.Д.Невоводский

орден во имя Святителя Николая Чудотворца, постоянного молитвенника о Земле Русской»²¹. Этот Орден, имевший девиз «Верою спасется Россия» и носившийся на ленте национальных цветов (бело-сине-красной), фактически должен был в условиях Гражданской войны играть роль Ордена Св. Георгия. «Определение подвигов и лиц, достойных награждения орденом Св. Николая Чудотворца», возлагалось на Орденскую следственную комиссию и Кавалерскую Думу, что напоминало процедуру награждения Орденом Св. Георгия и Георгиевским Оружием (первая Николаевская Дума и состояла из Георгиевских кавалеров). Аналогия была продолжена установлением ряда Николаевских орденских отличий: Николаевских знамен, наградных труб с Николаевскими лентами (и лент к имеющимся уже трубам), для военно-морского флота — Николаевского Адмиральского флага, вымпела и брейд-вымпела, а также новых наград: для авиационных частей — «авиационного флага», а для авто-броневых и танковых частей — вымпела, то и другое — с лентами и знаком Ордена Св. Николая Чудотворца. (Для полноты картины не доставало только учреждения орденского оружия²².)

Связь Георгиевских и Николаевских наград специально подчеркивалась и последним пунктом приказа Врангеля об учреждении Ордена Св. Николая, гласившим: «Дабы сохранить значение Военного ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия на подобающей ему высоте, предписываю распространить на кавалеров ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия права сокращения выслуги при производстве по льготным цензовым правилам, права по наделу землей, по устройству по оставлении службы в военном ведомстве и по сокращению выслуги на пенсию, предоставляемые ныне кавалерам ордена Св. Николая Чудотворца»²³. Столь явно проведенные параллели делали Орден Св. Николая преемником и наследником славных Георгиевских наград. Заметим, что многие Георгиевские кавалеры стали в 1920 году и кавалерами Ордена Св. Николая 2-ой степени (награжденных 1-ой степенью не производилось), — среди них прославленные боевые генералы А.П.Кутепов, Я.А.Слащов, В.К.Витковский, а также сам Главнокомандующий барон Врангель, принявший орден по просьбе Николаевской Кавалерской Думы уже в Галлиполи.

Своеобразным финалом истории Ордена Св. Георгия на Юге России стал приказ Главнокомандующего Русской Армией от 16 сентября 1920 года №3653, гласивший:

«Утверждая постановление Георгиевской Думы от 12/25 сентября сего года по вопросам, указанным ниже, приказываю:

1) Знаки ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия, пожалованные Адмиралом Колчаком за отличия, оказанные в гражданской войне, — НЕ НОСИТЬ в Русской Армии и, впредь до воссоздания Всероссийской власти, не осуществлять связанных с ними преимуществ.

2) Указанные знаки отличия ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия — знаками ордена Св. Николая Чудотворца — НЕ ЗАМЕНИТЬ.

3) Приказ Армии и Флота от 3-го июля 1917 года №26 — ОТМЕНИТЬ²⁴.

Генерал-лейтенант барон
П.Н.Врангель

4) Сохранить за офицерами, награжденными, на основании сего приказа, Георгиевским крестом или орденом Св. Георгия 4-ой степени, все права и преимущества, связанные с этим орденом»²⁵.

Генерал Врангель являлся в этот момент легитимным Правителем России, ибо Верховная Всероссийская власть была передана Адмиралом А.В.Колчаком А.И.Деникину (Указом от 4 января 1920 года²⁶), а Врангель «унаследовал» ее после принятия у Деникина Главного Командования Вооруженными Силами на Юге России. Заявил о подчинении Врангелю и Атаман Г.М.Семенов, на основании упомянутого Указа осуществлявший «всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской Восточной Краины, объединенной Российской Верховной властью». Поэтому приведенный выше приказ Главнокомандующего Русской Армией от 16 сентября 1920 года должен восприниматься как завершение всей истории Георгиевских наград в России. Через полтора месяца Крым был сдан, и Русская Армия отплыла к чужим берегам, унося с собой память о Великой России и славу Ордена Святого Георгия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Так в документе. Официально 4-ая дивизия стала именоваться 4-ой пехотной лишь с 21 мая 1919 г. (все даты указываются по старому стилю), в соответствии с приказом Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России №968.

2. В документе — «награждением».

3. В документе — «один».

4. Выделено в документе.

5. Выделено в документе.

6. Так в документе.

7. Постановление комиссии проводится по копии акта, направленной на имя командующего Крымско-Азовской Добровольческой Армией генерал-лейтенанта А.А.Боровского (РГВА, ф.39660, оп.1, д.472, л.8).

8. В документе — «орденами».

9. Письмо цитируется по копии, направленной генералом Боровским для ознакомления Инспектору артиллерии Крымско-Азовской Добровольческой Армии (РГВА, ф.39660, оп.1, д.472, л.7). Интересно, что мнение Главнокомандующего высказано только в отношении Георгиевских наград; вопрос о прочих орденах был, видимо, сочтен менее важным.

10. РГВА, ф.39660, оп.1, д.472, л.7 об.

11. Подпись в документе отсутствует, но можно предположить, что в описываемый период эту должность занимал генерал-лейтенант Н.Д.Неводовский (сам Георгиевский кавалер).

12. Так в документе.

13. РГВА, ф.39660, оп.1, д.472, л.л.5, 5 об. Заметим, что последняя фраза почти дословно повторяет аргументацию письма генерала Романовского по вопросу о «награждении знамени» Корниловского полка.

14. Врангель П.Н. Записки. Часть вторая // Белое Дело. Летопись Белой борьбы. — [Т.] VI. — [Берлин:] книгоиздательство «Медный Всадник», [1928]. — Стр.80.

15. Предполагалось наградить Мамантова и Гусельщикова вместо Георгиевского Оружия — специально изготовленными, богато украшенными наградными шашками.

16. Из телеграммы генерала Ветвеницкого начальнику Днестровского отряда генерал-лейтенанту А.Н.Розеншильду-фон-Паулину от 29 сентября 1919 года №55729 (ответ на запрос Розеншильда о порядке представления к наградам: телеграмма от 25 сентября №1247). — См.: РГВА, ф.39660, оп.1, д.356, л.л.4, 4 об.

17. Телеграмма от 31 октября 1919 года №2323. — РГВА, ф.39660, оп.1, д.356, л.33.

18. Телеграмма без даты №57955. — РГВА, ф.39660, оп.1, д.356, л.34.

19. Телеграмма от 14 ноября 1919 года №615. — РГВА, ф.39660, оп.1, д.347, л.115.

20. Врангель П.Н. Указ. соч. // Белое Дело. — [Т.] VI. — Стр.79, 80.

21. Приказ Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России от 30 апреля 1920 года №3089 // Крымский Вестник (Севастополь). — 1920. — №92 (9783), 1/14 мая. — Стр.1.

22. Уникальным случаем «Николаевского Оружия» можно считать символический рыцарский меч, который был возложен на гроб генерала П.Н.Врангеля чинами II-го Отдела Русского Обще-Воинского Союза. На эфесе меча, судя по фотографиям (см.: Часовой (Брюссель — Париж). — 1929. — №19 — 20. —

Стр.3), был прикреплен знак Ордена Св. Николая Чудотворца, а рукоять обвита темляком из ленты национальных цветов (они же — Орденские Николаевские цвета), что и позволяет расценивать этот меч именно как орденское оружие.

23. Крымский Вестник. — 1920. — №92 (9783), 1/14 мая. — Стр.1.

24. Этот приказ предусматривал награждение офицеров солдатским Георгиевскими Крестами (для чего в частях создавались специальные «наградные думы») и солдат — «за подвиги, предусмотренные Статутом ордена Св. Георгия и совершенные при исполнении обязанностей соответствующих начальников», — Орденом Св. Георгия 4-ой степени (с автоматическим производством в подпоручики). При этом на ленте ордена (креста) помещалась лавровая ветка (для ордена — белого металла, а для креста — по цвету его металла, в зависимости от степени). Образумые согласно этому приказу «наградные думы» должны были ведать также и награждением солдат Георгиевскими Крестами и медалями, чего во время Гражданской войны, насколько известно, уже не соблюдалось. Таким образом, приказ Врангеля лишь официально закреплял фактически сложившуюся ситуацию. Вообще, приказ №26, как и любой приказ, подписанный Керенским, уже в силу одного этого не мог пользоваться уважением в Белых армиях (награждений офицеров «Георгием с веточкой» не производилось, а ношение таких крестов, заслуженных в 1917 году, нередко воспринималось на Юге России с неприязнью, как подчеркивание преувеличенного «демократизма»).

25. Крымский Вестник. — 1920. — №209 (9900), 22 сентября / 5 октября. — Стр.1.

26. По новому стилю. В отличие от Юга России, на территориях, занятых армиями А.В.Колчака, был принят Григорианский календарь.

ПАМЯТНИКИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Окончание.

Начало см. №3 (132)

Увековечить память «воинов Христолюбивых, кровию и честью венчаных» стремились не только в столицах, но и в провинции. Организационным центром этой деятельности стало Всероссийское общество памяти воинов Русской армии, павших в текущую войну¹, открывшееся в Петрограде 23 апреля 1915 г.²

Согласно уставу, целью Общества было всеми способами и средствами «содействовать охранению на полях брани могил русских воинов, павших в войну 1914 г., без различия их вероисповеданий и национальностей и сохранять в дальнейшем память погибших жертв долга Родине». В задачи Общества входили поиск могил, определение, по возможности, имен, фамилий, наименования воинских частей, времени кончины, вероисповедания, национальности похороненных, благоустройство братских и одиночных захоронений, установка крестов, памятных знаков, оград и т.д. Оно содействовало родственникам погибших в поиске могил, определении по времени боя дня их кончины и поминовения.

С развитием своей деятельности Общество памяти воинов предполагало соорудить храм, часовни и разного рода памятники, издавать исторические описания подвигов, открывать благотворительные учреждения, связанные с памятью о погибших: приюты для увечных воинов, вдов и сирот, школы, музеи, читальни и т.п.

Главный Совет Общества памяти воинов Русской армии, павших в текущую войну, располагался в Офицерском собрании армии и флота на Литейном проспекте, а в октябре доска с названием Общества была вывешена у парадного входа в здание Национального клуба на Французской набережной, 8. Заседания проходили также на квартире первой председательницы Общества графини

С.С.Игнатьевой, пока ее не сменил в июне 1916 г. генерал Николай Владимирович Рузский.

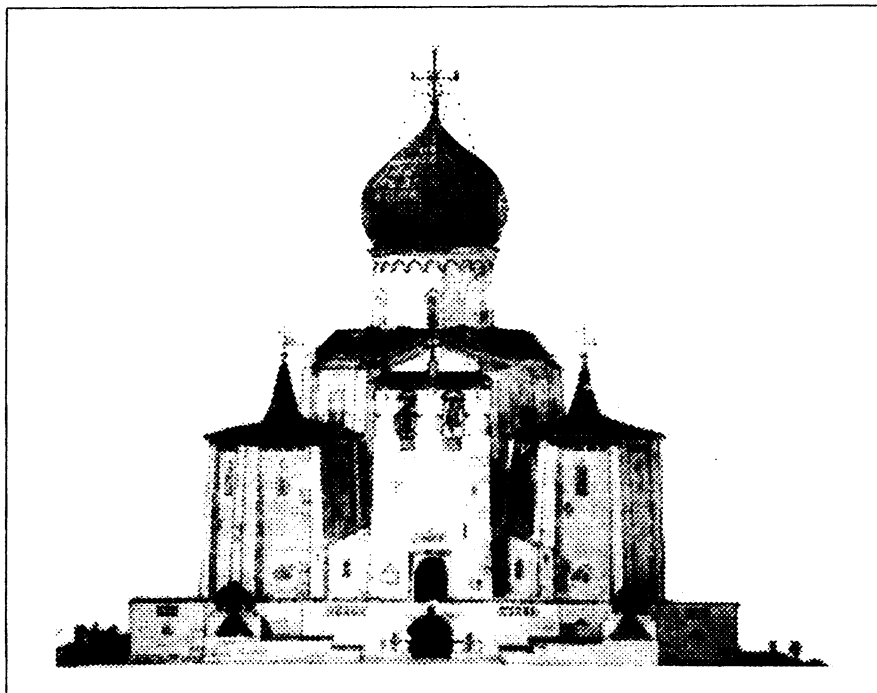
Общество состояло, в основном, из военных, а также государственных деятелей и духовенства. В декабре 1916 г. его пожизненными членами стали генерал-адъютанты А.Е.Эверт и А.А.Брусилев. К работе Общества привлекались известные архитекторы и художники. По его инициативе 15 ноября 1915 г. Императорское общество архитекторов-художников объявило конкурс на составление проектов храмов, часовен и надгробных памятников для установки на местах боев, военных кладбищах, братских и одиночных могилах. В комиссию судей входили В.Матэ, В.Покровский, С.Беляев, А.Таманов, М.Преображенский, А.Белогруд, Н.Лансере, В.Щуко, А.Мышлаевский. Итоги конкурса, на который поступило 34 проекта, были подведены в июне 1916 г. Большинство премированных и рекомендованных к приобретению работ было

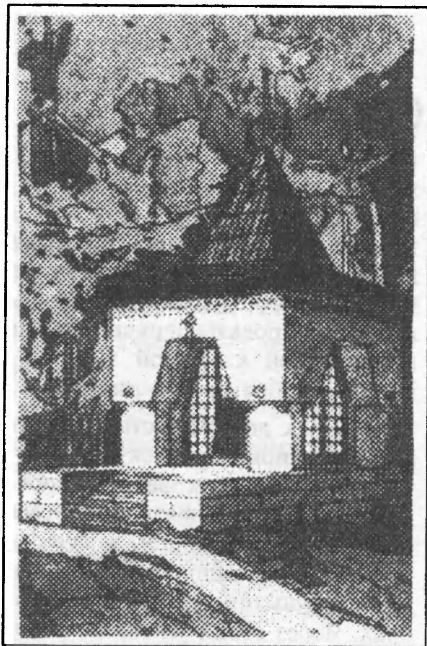
выполнено в стиле русского зодчества XVII в. Наибольшее признание получил архитектор-художник С.Н.Антонов, завоевавший первые премии за проекты церкви-памятника, большой каменной часовни и кургана на братской могиле.

Так как деятельность Общества памяти воинов по розыску и благоустройству воинских захоронений в местах сражений оказалась чрезвычайно затруднительной, а зачастую невозможной, было решено сосредоточить внимание на тыловых районах. Через своих уполномоченных и местные отделы Общества, открывавшиеся в различных губерниях России, в Главный Совет поступали сведения о братских кладбищах и памятниках героям войны, сооружавшихся как общественностью, так и частными лицами.

В г.Пскове на Мироносицком кладбище было устроено отделение для братских могил, которое находилось под попечительством начальника Псковского гарнизона генерал-

С.Н.Антонов. Проект каменной церкви-памятника. 1916

Б.В.Перепелкин. Проект малой каменной часовни. 1916

лейтенанта Ушакова и поддерживалось на его средства. Губернатор города распорядился заносить имена погибших воинов, независимо от места их погребения, в особую памятную книгу.

Братские захоронения существовали и в нескольких городах Псковской губернии: Великих Луках — на попечении Казанского Успенского монастыря и начальницы Великолуцкой общины сестер милосердия РОКК О.С.Кузьминой, Острове — при городском кладбище, на попечении причта Свято-Троицкого собора, Порхове — при городском Георгиевском кладбище, под началом председателя церковно-приходского попечительства П.И.Мукинина. На окраине посада Сольцы Порховского уезда были устроены два братских кладбища, опекавшиеся 126 тыловым эвакуационным пунктом и 967 полевым запасным госпиталем.

Братское кладбище в г.Вологде при городском Богородицко-Глинковском кладбище существовало благодаря заботам купца Н.П.Кудрякова.

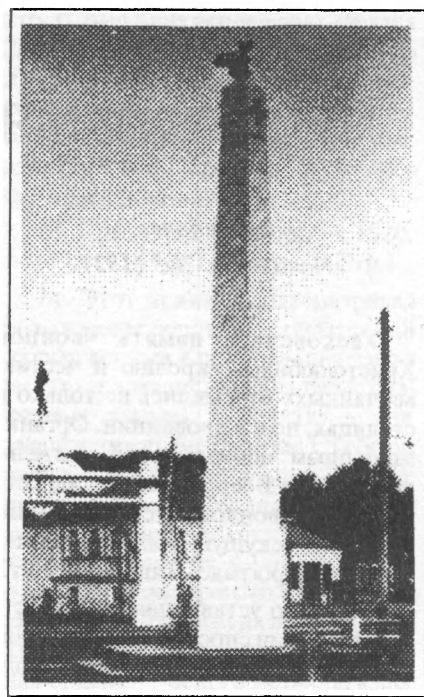
В Риге в сентябре 1916 г. был образован «Комитет для благоустройства Рижского братского кладбища павшим защитникам Родины и увековечения их памяти построением храма», возглавлявшийся комендантом города.

В Курске место для братского кладбища площадью 1700 кв. сажен было отведено за Московскими воротами рядом с кладбищем земской больницы. Оно находилось на попечении городских властей, а регистрация захоронений велась Курским распределительным эвакуационным пунктом. Специальные участки существовали на кладбищах уездных городов Курской губернии: Белгорода, Дмитрова, Корочи, Льгова, Обояни, Путивля, Рыльска, Старого Оскола, Суджи, Фатежа, Щигров. В Обояни в двух городских церквях были помещены мраморные доски, на которых золотом наносились имена усопших воинов. Такая же, металлическая доска была установлена в Соборной Троицкой церкви в г.Щигры. В апреле 1917 г. Корочанскими властями было принято решение об устройстве мавзолея над четырьмя воинскими могилами на кладбище при Георгиевской церкви и изготовлении металлических досок для приходских церквей г.Корочи с именами погибших воинов — местных уроженцев.

На «Братском кладбище для эвакуированных в г.Тамбов и умерших от ран и болезней воинов кампании 1914 — 1916 г.г.» строилась церковь-памятник по проекту инженера А.А.Силича. Комиссию по сооружению храма возглавлял начальник войск Тамбовского гарнизона генерал-лейтенант Рындин.

В Чернигове участок, избранный городской управой для братского кладбища, был нанесен на отдельный план, на могилах устанавливались кресты и таблички с указанием имени, фамилии и воинской части. Велась регистрация захоронений. Специальные места для воинских могил отводились в уездных городах Глухове, Козельце, Конотопе, Нежине, Новгородсеверске, местечке Середской Буде, Остре, Стародубе, поселке Клинцах Сурожского уезда.

В начале ноября 1916 г. было открыто братское кладбище в Екатеринославе, расположенное в Городском питомнике, откуда «открывался красивый вид на окрестности». Городской думой и губернским и уездным земскими собраниями было ассигновано 8500 рублей на постройку часовни-памятника, однако сумма

Памятник героям I мировой войны в г.Вязьме. 1916

оказалась недостаточной и потому часовня существовала лишь в виде модели. Небольшие военные кладбища были устроены и в нескольких городах Екатеринославской губернии — Александровске, Бахмуте, Верхнеднепровске и Новомосковске, где по окончании войны также предполагалась постройка часовни и установка мемориальной доски.

В сентябре 1916 г. Старочеркасское станичное правление постановило увековечить память погибших казаков устройством памятника-каплицы в стиле, «подходящем к духовному быту донского казачества».

В Рязанской губернии братские военные кладбища существовали во всех уездных городах, кроме Егорьевска и Скопина. В самой Рязани кладбище содержалось на средства местного гарнизона и губернского комитета Всероссийского союза городов, в Данкове и Михайлове — уездным земством, в Зарайске, Касимове, Пронске, Ранненбурге, Рязке, Сапожке, Спаске — городскими общественными управлениями.

Во Ржеве велось сооружение старообрядческого храма-памятника воинам, погибшим в войну 1914 г., с установкой в нем мемориальных досок.

В январе 1915 г. в г.Алексине Тульской губернии по инициативе уездного члена Тульского окружного суда Г.В.Анофриева было образовано общество «Помощь воину», которое 5 мая того же года основало городское братское кладбище, украсив его деревьями и цветами. В 1916 г. над могилами похороненных здесь трех прапорщиков и четырех рядовых были установлены бетонные надгробия с прорезным крестом посередине для посадки растений и сооружен большой памятник. Имена воинов были написаны на досках, прибитых к ограде.

К маю 1917 г. планировалось завершить строительство церкви-памятника погибшим воинам в Никольске-Уссурийском по проекту архитектора Б.Ф.Фельтова. Комитет по постройке храма возглавлял генерал-от-инфантерии Н.Н.Нищенков. Предполагалось также устройство приюта-убежища для увечных воинов, для чего городскими властями был выделен земельный участок и ассигновано 13 тысяч рублей.

Храмы-памятники воздвигались в память отдельных событий Великой войны. В октябре 1916 г. викарий Волынской епархии епископ Дионисий обратился в Св. Синод с предложением устроить в г.Кременце на горе Чернице храм-памятник в честь освобождения Волыни, где разместились бы иконы из волынских церквей, разоренных неприятелем, и доски с именами погибших воинов, уроженцев Кременецкого уезда.

На Волыни же, в селе Бичаль Ровенского уезда сооружался силами местного священника Н.В.Теодоровича и крестьян окрестных деревень памятник-курган с каменной колонной, увенчанной железным крестом.

Первый гражданский памятник героям 1-й мировой войны был торжественно открыт 16 июня 1916 г. в г.Вязьме Смоленской губ. Он имел

вид пятигранного обелиска на бетонном ступенчатом постаменте. На одной стороне памятника были начертаны имена Императора Николая II и Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, начальника штаба верховного главнокомандующего генерал-адъютанта М.В.Алексеева, главнокомандующего войсками Западного фронта генерал-адъютанта А.Е.Эверта, командующего II-й армией генерала-от-инфантерии В.В.Смирнова, сестры милосердия Риммы Ивановой. На остальных четырех сторонах предполагалось поместить имена 80 георгиевских кавалеров, уроженцев г.Вязьмы и его уезда по степеням ордена, изображение которого соответственно украшало каждую грань обелиска в верхней его части. Памятник был увенчан гербом г.Вязьмы. Одновременно в городе были открыты мост имени генерала М.В.Алексеева и бульвар 2-й Отечественной войны³.

В настоящее время из всего этого в Вязьме сохранились лишь деревья вышеупомянутого бульвара. Не осталось и следа и от местного Троицкого кладбища, где владелец маслобойных заводов Лютюв установил мраморную часовню на могиле погибшего сына. Теперь здесь находится машиностроительный завод.

8 мая 1916 г. в г.Бугульме Самарской губернии Комитетом попечительства о народной трезвости была проведена торжественная закладка парка «в память текущей Великой войны с устройством в нем Музея памятников войны». Для этого музея к осени 1916 г. 319-м пехотным Бугульминским полком было прислано 40 трофейных предметов.

Решение о сооружении «памятника героям текущей войны» было принято в сентябре 1916 г. Костромской городской думой.

В апреле 1915 г. Общество распространения грамотности среди грузинского населения напечатало в кавказских газетах воззвание о сборе средств на постройку памятника для вечного поминовения героев-грузин, павших в войну 1914 г., в ограде Дидубийской церкви в Тифлисе, где Общество владело участком земли. На памятнике предполагалось начертать имена, фамилии и звания погибших воинов-грузин⁴.

Разумеется, в силу обстоятельств военного времени большинство вышеназванных церквей, часовен, памятников и усыпальниц было бедно и неустроено, но все они создавались с искренним чувством и сознанием нравственного долга почтить память русских воинов. Приведенный нами перечень далеко не полон, особенно в части, касающейся неосуществленных проектов. Великие жертвы Великой войны не канули бы в Лету, если бы их современники могли довести до конца задуманное. Теперь нет ни храмов-памятников, ни курганов и обелисков, нет и самих могил. Лишь забытые архивы скупыми обрывками свидетельствуют о трудах и печалях тех, кто стремился сохранить для потомков память о Великой войне.

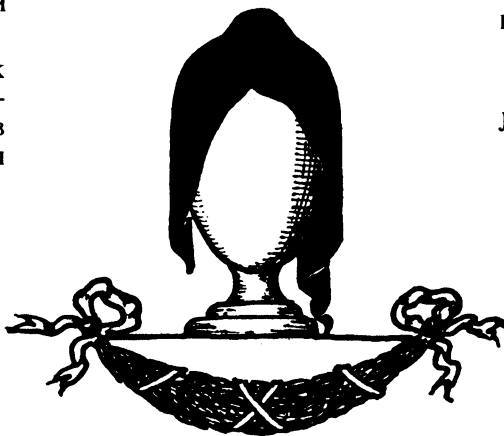
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Первоначально именовалось Обществом памяти воинов Русской армии, павших в войну 1914 — 1915 г.г. с Германией, Австрией и Турцией.

2. РГВИА. Ф.15772. Ед.хр.1 — 4.

3. ОПИ ГИМ. Ф.270. Ед.хр.38. Л.69; Ф.424. Ед.хр.135. Л.л.60, 60 об.

4. Там же. Ф.270. Ед.хр.38. Л.71.

На страницах «Военной Бьли» вниманию читателя уже не раз предлагались отдельные документы или их подборки, освещающие различные эпизоды военной истории России. В дальнейшем наряду с подобными подборками, имеющими определенную тематическую, а иногда и композиционную завершенность, журнал предоставит место и отрывочным документам, которые, являясь лишь фрагментами обширной исторической картины, осколками мозаики, иногда курьезными, иногда трагическими, могут в то же время

внести в эту картину неповторимый колорит, стать ее яркими и выразительными штрихами. По архивной терминологии такие документы – разрозненные, часто не объединенные общей темой, периодом, регионом, – обычно (с некоторым пренебрежением) относят к категории «россыпи». Но каждый добросовестный исследователь знает, что подобная «россыпь» может обернуться настоящими золотыми россыпями, тающими неповторимые сокровища для внимательного и преданного своему делу историка.

КОННО-ГРЕНАДЕРЫ ГЕНЕРАЛА ЮЗЕФОВИЧА

Генерал-лейтенант Я.Д.Юзефович. Фотография из фондов
ГГА КФД

Генерал-лейтенант Яков Давыдович Юзефович в годы Великой и Гражданской войн заслужил немалую известность как незаурядный кавалерийский начальник и штабной работник. Особое место в его биографии занимает совместная служба с генерал-лейтенантом бароном П.Н.Врангелем в годы Белой борьбы на Юге России. Всю первую половину 1919 года Юзефович был начальником штаба Добровольческой Армии (впоследствии Кавказской Добровольческой и, наконец, просто Кавказской), которой командовал Врангель, а во время продолжительной болезни последнего (февраль — март) исполнял обязанности командарма. Выдающийся вклад генерала Юзефовича в успехи Кавказской Армии весной — летом 1919 г. неоспорим, что дало основание даже генералу Я.А.Слащову-Крымскому (который вообще мало о ком отзывался с похвалой) назвать его «единственным талантливым человеком» из окружения Врангеля.

Совместная служба Врангеля и Юзефовича, прерванная с уходом последнего на должность командира 5-го кавалерийского корпуса летом 1919 г., возобновилась после принятия Врангелем командования над Вооруженными Силами на Юге России: весной 1920 г. Юзефович руководит строительством укреплений на Перекопском перешейке и железнодорожной ветки Джанкой — Юшунь (впрочем, занимаясь этой, не вполне ему свойственной, инженерной дея-

тельностью, он не достиг значительных успехов), а в конце мая принимает вновь созданную должность генерал-инспектора конницы.

Идее учреждения особой инспекции конницы Врангель придавал большое и вполне заслуженное значение еще с 1918 года, так что назначение генерала Юзефовича на этот пост было признанием его заслуг и авторитета. В то же время не исключено, что деятельность Юзефовича могла при этом встретить и ряд затруднений субъективного характера, так как сам Врангель считал себя выдающимся кавалерийским начальником (что, в общем, соответствовало действительности), да и начальник Штаба Главнокомандующего, генерал-лейтенант П.Н.Шатилов, тоже был кавалеристом, так что это могло привести к ограничению самостоятельности действий Юзефовича в качестве генерал-инспектора конницы.

Юзефович находился на этой должности сравнительно недолго: уже 17 (30) сентября он был командирован в Париж на переговоры с правительством Франции и представителями Польского командования о сформировании в Польше т.н. 3-ей Русской армии, которую он должен был впоследствии возглавить. (Заметим, что устранение Юзефовича из Крыма в один из ответственных моментов его обороны также позволяет предположить, что отношения его с Главкомом были далеки от идеала; достаточно напомнить, что позднее, в аналогичной ситуации, предполагалось отправить в ту же 3-ью армию — и, кажется, в том же качестве, — генерал-лейтенанта Слащова-Крымского, яркого оппонента Врангеля.)

Но, как бы то ни было, три с половиной месяца генерал Юзефович возглавлял инспекцию конницы, и именно тогда Белая конница была фактически возрождена (в марте 1920 г. она эвакуировалась из Новороссийска в весьма плачевном состоя-

нии). В то же время, деятельность Юзефовича в этом качестве практически не освещена в мемуарной и исторической литературе; тем интереснее любая деталь, относящаяся к этому периоду.

Такой деталью, имеющей к тому же довольно курьезный характер, является один из приказов Юзефовича, отданный им в момент, когда в составе вырвавшейся из «Крымской бутылки» армии Врангеля, пополненной конским составом, шло усиленное создание частей, ставших бы конными не только по названию, но и по сути.

Около 9 часов вечера 21 июня (4 июля) 1920 г. из поезда Главнокомандующего была передана телеграмма, адресованная командирам корпусов: 1-го армейского — генерал-лейтенанту А.П.Кутепову, 2-го армейского — генерал-лейтенанту Я.А.Слащову, Сводного — генерал-лейтенанту П.К.Писареву и Донского — генерал-лейтенанту Ф.Ф.Абрамову, а также начдивам 1-ой кавалерийской, 2-ой и 3-ей конных, 1-ой, 2-ой и 3-ей Донских конных и Кубанской. В телеграмме говорилось:

«Приказываю образовать во всех конных полках команды Конно-гренадер по расчету 8 на эскадрон и сотню. Конно-гренадеры должны быть выдающиеся по отваге и лихости офицеры и солдаты, предназначенные для метания ручных гранат с коня в разнообразных условиях боевой обстановки, как например предшествуя лаве. Они вносят расстройство в ряды атакующего противника, добивают вконец его, деморализуют, производят внезапные налеты на места расположения противника и тому подобное. Начальникам частей выработать наиболее соответственные способы и сноровку обучения и дейст-

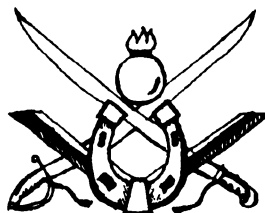
вий¹ Конно-гренадер, и свои мнения представить мне по команде с заключением надлежащих начальников. Теперь же получить из ближайших корпусных артскладов ручные гранаты. Обратит внимание на выбор людей и лошадей. До отпуска учебных гранат завести таковые из подручного материала, обязательно надлежащего веса и вести упражнения в метании на всех аллюрах. В конных и казачьих батареях иметь по 8 Конно-гренадер в числе прислуги. Мелитополь, 21 Июня [1920 г.]. №82. Юзефович»².

Сведений о том, были ли во исполнение этого приказа предприняты какие-либо действия, не имеется, и это неудивительно ввиду его явно авантюрного, а в части, касающейся участия «Конно-гренадер» в атаках — просто неправдоподобного характера. В самом деле, находясь впереди атакующей лавы (т.е. на карьере), бросить гранату перед собой может решиться только самоубийца, так как это равносильно тому, чтобы уронить ее под копыта своего коня. Поэтому приведенный приказ не может не вызвать недоумения и даже сомнений, действительно ли он вышел из-под пера генерала Юзефовича, знание которым конницы бесспорно. Попутно можно заметить, что получение подобных распоряжений из поезда Главнокомандующего не могло положительным образом сказаться на авторитете командования Армии и должно было скорее подрывать веру в его военные таланты.

А. КРУЧИНИН

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Так в документе.
2. Текст приказа восстановлен по телеграмме, направленной в Штаб Сводного корпуса (см.: РГВА, ф.39674, оп.1, д.1, л.л.1, 2).

ФРАНЦУЗСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА ЮГЕ РОССИИ В 1918 — 1919 ГОДАХ (Отрывочные воспоминания)

Окончание.

Начало см. №3 (132)

Тут это световое пятно кончено. Другое? Фактически французская интервенция на юге России началась. В одесский порт прибыли французские суда с небольшим числом французской пехоты. Во главе их стоял французский генерал Бориус. Они познакомились в моем присутствии. Я представил Бориусу Гришина-Алмазова, который сказал, кажется по поводу украинствующих — Ваши друзья — наши друзья. Но мы драться не будем.

На это Гришин-Алмазов ответил:

— На это мы и не рассчитываем. Драться будем мы.

Бориус спросил:

— А что Вам нужно от меня?

— Несколько офицеров-французов.

— Зачем?

— Затем, чтобы они были свидетелями того, как мы будем драться.

Бориус очень обрадовался.

— Назначаю Вас военным губернатором Одессы.

* * *

И кончилось пятно. А дальше... Гришин-Алмазов говорил мне, что мы присоединили к Добровольческой армии Одессу. Население ее, кажется, превышает численность всей Добровольческой армии.

— Ну да, я военный губернатор, назначенный французами, но мне нужно какое-то правительство, не военное. Я тут чужой, сибиряк, никого не знаю. Можете Вы составить мне правительство?

Я ответил:

— Могу.

Это было, собственно говоря, вразрез с Деникиным. Он говорил:

— Правительство, министры, все это будет, когда мы будем в Москве.

Но он не предвидел, что ему на блюде преподнесут Одессу.

Выскальзывая из «французской зоны», я набирал правительство. Помню, что министром просвещения согласился быть тогдашний ректор Одесского университета, профессор Антон Дмитриевич Билимович, мой родственник. В вопрос просвещения вошел и вопрос об украинствующих. На каком языке преподавать юношам науки. Разумеется на русском. Но гимназистам разрешается, если они этого пожелают, изучать малороссийскую речь, творения Шевченко, Котляревского и т.д. Гришин-Алмазов спросил меня:

— Нашлись желающие изучать малороссийскую речь?

— Нашлись. Во 2-ой Одесской гимназии нашлись двое.

— Кто же они?

— Два моих сына.

* * *

Военно-морского министерства было не надо.

Внутренних дел? Согласился некто Пельц, бывший губернатором где-то в Сибири. Министр финансов нашелся подходящий, но я не помню, кто. Ну и т.д. Все это была игра в правительство, но так было надо.

* * *

Вот еще светящееся пятно.

Гришин-Алмазов занял особнячок, где-то довольно далеко от Лон-

донской гостиницы. Он постоянно присылал за мной машину. С шофером мы подружились.

— Одиннадцатой власти уже служу.

Когда мы с ним возвращались от Гришина-Алмазова поздно ночью, наш автомобиль обстреливали из невидимых винтовок. Обстреливали не меня, а в предположении, что едет Гришин-Алмазов. Это происходило вот почему.

Говорили, что в Одессе до 30 тысяч уголовных, во главе которых стоял некто Гапончик, личность почти скучная, но тем не менее реальная. Он был второй диктатор в Одессе. У него было свое правительство или по крайности широко развитая канцелярия. Он помогал бедным и назначал какие-то пенсии каким-то вдовам. Он прислал Гришину-Алмазову письмо в таком виде:

«Мы не большевики, мы уголовные. Не троньте нас, и мы не тронем вас».

Прочтя письмо, Гришин-Алмазов сказал:

— Не может диктатор Одессы договариваться с диктатором уголовных.

И не ответил ему.

С той поры его машину стали обстреливать.

* * *

Заскакиваю вперед в смысле хронологии. Вот пятно. Это был день, когда мы обвенчали консула Эмиля Энно с его *Chère amie*. Шаферами были Гришин-Алмазов и я. Ну и был ужин. Скромный. Но шампанское все же было. Тут присутствовала

одна красивая румынка, хорошо говорившая по-французски. Она попортила с Александром Николаевичем Крупенским, бывшим предводителем дворянства Бессарабии:

— Россия отняла Бессарабию у Румынии.

— Бессарабия никогда Румынии не принадлежала. Россия получила ее от турок.

— Но Вы, господин Крупенский, Вы же были румыном?

Он вежливо, но твердо:

— Крупенские никогда не были румынами.

— А кем же?

— Турками, мадам.

Во время этих разговоров кончился ужин, и Гришин-Алмазов сказал мне:

— Я отвезу Вас.

Я жил далеко, на так называемой Молдаванке. Место скверное. Но там мне отвели уютный двухэтажный домик. Верхний этаж занимал я с семьей. Нижний — так называемая Азбука. Это было общежитие из молодых офицеров, которых я посылал иногда, а вместе с тем они меня охраняли, были вооружены винтовками.

Итак, Гришин-Алмазов приказал подать машину. Машина подкатила к входным дверям Лондонской гостиницы. В то же время раздался залп по дверям. Одна пуля засела в притолоку. Гришин-Алмазов загремел:

— Машина, потушить фары!

Фары потухли. Мы сели в машину и помчались. Благополучно доехали до моего домика на Молдаванке. Гришин-Алмазов поехал к себе. Через несколько минут я услышал выстрел невдалеке. Я сбежал вниз и скомандовал:

— В ружье!

Гришина-Алмазова обстреляли.

Они побежали. Все стихло.

В руках у них была шина от машины, пробитая пулями.

— Мы нашли это недалеко.

Еще через некоторое время позвонил телефон.

— Да, это я, Гришин-Алмазов, меня обстреляли недалеко от Вас, но в общем благополучно.

На следующий день я узнал, засада была недалеко от моего дома на Молдаванке. После залпа шофер круто свернул в проулок. Так круто, что Гришин-Алмазов вылетел из машины. Но успел вскочить обратно и доехал домой.

* * *

Время шло. Интервенция продолжалась и развивалась, хотя и не так, как надо. Бориуса сменил Д'Ансельм. Приставка Д' указывала на аристократизм, но Д'Ансельм мнил себя демократом. Он встретил меня так:

— Вы, как наши Бурбоны, ничего не забыли и ничему не научились.

Я оставил без ответа это изречение, а про себя подумал:

— Мы не забыли, как консул Энно в Киеве кричал глухой ночью:

«Этого Франция не забудет! Этого Франция не смеет забыть!»

Забыла. Консул Энно собирался покинуть Одессу, его отзывали, дезавуировали.

Я заговорил с Д'Ансельмом о Гришине-Алмазове, дав ему высокую оценку.

Д'Ансельм ответил:

— Моя приемная полна людьми, которые говорят очень плохо о Гришине-Алмазове, Вы первый его хвалите.

— Люди, бранящие Алмазова, это те, которые в трудную минуту растерялись.

— Французский консул в Одессе Эмиль Энно это сразу понял. Он выдвинул Гришина-Алмазова, как человека нерастерявшегося единственного и сделал его одесским диктатором. Растерявшиеся теперь мстят ему. Они мелочны и не патриоты.

Д'Ансельм не вянул мне и продолжал свою политику якания с мстящими растерявшимися. Результаты не замедлили сказаться.

* * *

В Одессе было достаточно людей, говоривших по-французски. И они незаметно для Д'Ансельма развращали французский десант. Из элемента порядка, который должна была проводить интервенция, они

В.В.Шульгин в период Ясского совещания. Рис. В.Желдакова. 1918

превращались (я говорю о солдатах) в элемент буйный, отрицательный.

Заскакиваю вперед. Была ночь. Я шел по Дерибасовской. Слышался женский хохот и визг. Интервенты, взяв друг друга за руки, составили цепь, ловившую одесситок, проститутку, конечно. Среди этого я услышал стук подошв роты, идущей в ногу. Я подумал:

— Не все развратились. Вот эти сейчас покончат с этим кабаком.

И вдруг я услышал:

— Рота, стой!

Это были наши неразвращенные люди Гришина-Алмазова.

* * *

С другой стороны, усложнялись отношения между одесским диктатором и Деникиным. Они не могли нас понять. Они, там в Екатеринодаре, не могли нас понять. Жизнь дорожала. Приходилось платить... Повышать все время жалованье. Это вынуждало нас к таким действиям, которые беспокоили Екатеринодар. Мы стали печатать в Одессе деньги, не испросив разрешения в Екатеринодаре. Но когда генерал Лукомский приехал в Одессу и заплатил за скромный обед 25 рублей, он понял, почему мы печатаем деньги. Но там, в Екатеринодаре, не поняли. Я написал письмо генералу Драгомирову, такого, примерно, содержания:

Генерал-майор А.Н.Гришин-Алмазов. 1918

— Античный Рим управлял через своих наместников. Причина этого была несовершенство путей сообщения. Много времени проходило, пока галера, плывшая на веслах, доходила из Рима к наместникам. Поэтому наместники имели большие права. То же происходит сейчас у нас. Пока из Екатеринодара, при отсутствии почты и телеграфа, дойдет приказание в Одессу? Поэтому мы действуем как будто бы самостоятельно. Но эта самостоятельность вынужденная.

Драгомиров понял это. С этой стороны дело было улажено у нас.

* * *

Но «растерявшиеся» перебрались на Кубань. И там клеветали на Гришину-Алмазова. Нам прислали генерала Санникова проконтролировать Гришину-Алмазова. Санников был стар и бездеятелен. Французы становились все резче. Кончилось тем, что Санникова выслали из Одессы, дав ему письмо к генералу Деникину. О Гришине же было сказано так: «Генерал Гришин-Алмазов будет его сопровождать (т.е. Санникова)». Это означало конец одесскому диктатору.

* * *

Вот порт. Отходит корабль. Гришин-Алмазов на корабле, положив руки на фальшборт. Он все такой же.

Моложавый, в солдатской шинели, которая ему широка в плечах.

Говорит:

— Ну что же, моя деникинская совесть? Выдержал я экзамен?

— Выдержали.

Иногда ему бывало очень трудно. Он готов был опять ломать стулья. Но дисциплина одерживала верх. Он выдержал до конца.

* * *

Но не выдержали Д'Ансельмы... Развратилась французская пехота, и вспыхнул открытый бунт на французских кораблях. Англичане подошли к взбунтовавшемуся кораблю, где матросы заперли адмирала и других офицеров в кают-компани. Мало того, они спустили французский флаг.

Англичане выпустили адмирала и офицеров из каюты и предложили, что они усмирят бунтовщиков. Англичане настолько привыкли к бунтам, что на каждом английском военном судне, кроме моряков, находится рота пехоты, вооруженной винтовками.

Но французский адмирал отказался от помощи. Английский броненосец отошел. Тогда французские матросы опомнились. В них возобладал французский патриотизм. Они завопили:

— Vive l'admiral!

А адмирал ответил:

— Поднять французский флаг!

С этим бунт кончился. Но французский флот ушел. Кончилась и интервенция.

* * *

Проводив Гришину-Алмазова, что мне было делать в Одессе? Надо было сматывать удочки. Ускорило мой отъезд следующее происшествие.

В Екатеринодаре я в свое время основал газету «Россия». И потом, когда я уехал, все продолжало печататься: «Основана Шульгиным».

В Одессе я стал издавать другую газету — «Единая Россия».

В ней, между прочим, был помещен фельетон моего талантливого племянника Филиппа Могилевского. Французы придумали собрать

большевиков и белых на острове Принкипо, чтобы их помирить. Могилевский жестоко высмеял эту затею. А редактор «Единой России», т.е. я, получил записку от какого-то французского офицера, командовавшего эскадромом, в том смысле, что газета «Единая Россия» останавливается на неделю. На это я ответил:

— Не через неделю, как мне милостиво разрешает командир эскадрона, я возобновлю «Единую Россию». Я возобновлю ее тогда, когда французы снова будут моими друзьями. Такими, какими они были не так давно.

И дальше я привел, на французском языке, мою статью в «Киевлянин», когда немцы вошли в Киев.

Это было еще когда консул Энно был в Одессе. Он рассказал мне, что французское командование в полном отчаянии... что, действительно, лишилось верного друга в моем лице.

* * *

Но, во всяком случае, я решил уехать из Одессы. Перед этим я имел длительный разговор с Фреденбергом, начальником штаба. Он настаивал, чтобы образовать смешанные единицы — французов и русских, объясняя, что такие смешанные комбинации французам с румынами были удачны. Я сказал ему, что, как бы то ни было, Деникин вряд ли согласится на это. Так и было. Приехал в Одессу некий вольнец Андро. Тут, в Одессе, он уже называл себя Д'Андро де Ланжерон. Во времена Екатерины II эти лица прославились в Одессе, так что Ланжерон названа одна из улиц. Д'Андро де Ланжерон поехал к Деникину и привез отказ. Я окончательно решил покинуть Одессу.

Приехав в Екатеринодар, я вошел в Особое Совещание, которое заменяло правительство у Алексева и Деникина. Но я там недолго мог работать. По личным причинам я очень тосковал и просил меня освободить. Деникин исполнил мою просьбу.

* * *

Я решил поступить в армию. Но тут подвернулся один адмирал, который ехал в Царицын, чтобы там устроить какую-то флотилию на Волге. Мы проехали через расклен-

ные степи, где видели миражи вдали. Я, приехав в Царицын, бросился в Волгу и выкупался. В результате заболел... от жары... Но был назначен командиром катера «Генерал Марков», который еще надо было строить. Я вернулся на Дон и устроился рулевым на один уже готовый корабль, который должен был доделываться на Дону, при впадении его в Азовское море. Им командовал старший лейтенант Масленников, подчиненный мне по «Азбуке».

Вот там я начал свою морскую службу, получив звание мичмана.

Я очень любил так называемую собачью вахту, т.е. от 12 часов ночи до 4-х часов утра. В это время я любил наблюдать мост, переброшенный через Дон.

В это время по Дону ходили еще парусные суда с высокими мачтами. Они не могли пройти под мостом. Тогда средняя часть моста уходила в небо. Она ползла, движимая электрическим мотором, совершенно неслышно. Этот мост был «световое пятно» в далеком прошлом.

* * *

У Гришина-Алмазова я часто бывал в его особняке. Там царил необычайный порядок. Паркет нагерт до блеска. Обед был очень скромный, но вкусен. Шампанского не подавалось, но иногда бутылка слабенького муската. За обедом не говорилось о делах, о политике. Он много читал, и по поводу прочитанных книг мы обсуждали некоторые чисто философские вопросы.

После одного такого обеда он должен был ехать и сказал мне, что он меня подвезет. В передней, надевая шинель, он еще говорил о Ницше, но, выйдя на крыльцо, сказал:

— Простите, мне необходимо нацукать свой конвой.

Его конвой состоял из 70 татар, во главе которых стоял ротмистр Масловский, тоже татарин. Конвой на Коране дал клятву защищать Гришина-Алмазова до конца.

«Цукать» было необходимо потому, что ночью эти татары убили одного из своих. Он что-то украл. Кража у татар хуже убийства.

Странно, я не помню, какими словами Гришин-Алмазов «цукал»

свой конвой. Но я помню звук его голоса, трещающий вроде пулемета. И помню лица этих татар: они были бледны, как будто действительно попали под пулемет.

Мне невозможно это понять, чем он их так напугал. Это кончилось очень быстро. Мы сели в машину, и разговор о Ницше продолжался. Я понял, что он, Гришин-Алмазов, настоящий диктатор. Он имел какие-то гипнотические силы в самом себе, причем он бросал гипноз по своему собственному желанию. Никогда, например, он не пробовал гипнотизировать меня. Наоборот, ему приятно была моя свободная мысль. Но адъютанты его, их у него было четыре, конечно, состояли под его гипнозом, хотя и не чувствовали этого. Впрочем, из них из четырех, один постоянно сидел на гауптвахте.

Применял он, я бы сказал, какой-то мирный гипноз к людям, его посещавшим. Сколько бы их ни было, он принимал всех. С часами на руках. Прием продолжался три минуты. Полминуты уходило на здоровканье (рукопожатие), две минуты на изложение дела. И еще полминуты, когда он говорил:

— Все, что Вы сказали, чрезвычайно интересно. Прошу Вас изложить это письменно. До свидания!

* * *

В Одессе в это время проживала очень известная кинематографическая актриса Вера Холодная. Холодная она была по мужу, по отцу она была Левченко, почтового чиновника в Харькове. И Вера Левченко была не холодная, а горячая. К тому же, избалованная успехом...

Она побывала у Гришина-Алмазова. Она принесла ему билеты на благотворительный спектакль. Тогда она уже не играла... Она как будто предчувствовала свою смерть... Между прочим, раздавала даром свой богатый гардероб. Около ее номера в гостинице всегда стояла очередь из дам, бедных и небедных.

Так вот она принесла билеты Гришину-Алмазову для него и для меня. И затем, рассердившись, что ей пришлось немного подождать, ушла, не прощаясь.

Когда я после этого побывал у Гришина-Алмазова, он сказал мне:

— Вот билеты для Вас!

Я сказал:

— Я не пойду, но pošлю деньги! Где ее искать?

Гришин-Алмазов позвонил.

Явился один из 4-х адъютантов.

— Адрес Веры Холодной!

Адъютант пошел искать, но вернулся смущенный:

— Ее адреса нет!

— Она была у меня. А я раз и навсегда приказал, чтобы адреса всех лиц, у меня побывавших, записывались. Ступайте на гауптвахту!

Но я как-то разузнал ее адрес. И сказал моему сыну Ляле:

— Вот тебе деньги. Разыщи Веру Холодную, поблагодари ее и скажи, что я не приду.

Он исполнил это поручение и рассказал:

— Она очень-очень просила, чтобы ты пришел.

Но я все же не пошел. Я был так печален, что не мог посещать вечеров, хотя бы и благотворительных.

* * *

Концерт прошел оживленно, а затем Вера Холодная умерла скоропостижно. Она болела одиннадцать дней так называемой «испанкой». Эта болезнь вид гриппа и страшна своими осложнениями. От «испанки» умерли миллионы людей после войны.

Подробности смерти ее рассказал мне значительно позже, уже в Константинополе, один знакомый мне до того человек, разыскавший меня. Разыскать кого-нибудь в Константинополе было трудно. Не только не было адресного стола, но не было названия улиц, не говоря уже о номерах.

Этот человек, разыскавший меня, с места брякнул:

— Я был последним любовником Веры Холодной!

— И для того, чтобы мне это сообщить, Вы проделали невозможное, отыскивали меня?

— Я не знаю, почему я пришел к Вам. Должно быть, она мне это приказала перед смертью. Вы думаете, она меня любила? Ничуть! Дело было

Французский генерал Бертело, командующий войсками Антанты в Румынии и на Юге России в 1919 г.

так. У нее была дочка восьмилетняя. Девочка где-то застряла. На улицах шла стрельба. Я под пулеметами притащил ее и отдал матери. Так вот — в благодарность...

* * *

Прошли года и года, больше 10 лет. Я был в Варшаве. В одном из театров шли старые фильмы, в том числе кинокартины с Верой Холодной. Три сеанса в день, театр всегда переполнен. А затем Холодная, прожив свой век, исчезла, и позднейшие поколения о ней не знают ничего. Sic transit gloria mundi!

* * *

Необходимо рассказать, как появился на моем горизонте Гришин-Алмазов.

Это было в Екатеринодаре. Я уезжал на так называемое Яское совещание, созываемое для того, чтобы разные представители русской общности могли сговориться между собой. Яссы — временная столица Румынии. В этих самых Яссах я заболел «испанкой». Выжил, но в совещании не участвовал. А моя секретарша, прибывшая вместе со

мной, умерла от «испанки» совершенно так же, как, несколько позже, умерла Вера Холодная в Одессе. В те же одиннадцать дней... Какое-то странное совпадение...

* * *

Так вот, когда я уезжал в Одессу, 29 октября 1918 года, уезжал из Екатеринодара, то поезд был задержан. Мне позвонили: «Необходимо переговорить с неким Гришиным-Алмазовым, только что приехавшим». Он рассказал мне, что был военным министром в Омске, но по какой-то причине оттуда уехал. Ехал поездами, пока можно было, а потом, вдвоем с адъютантом, он перевалил через Кавказский хребет верхами.

Вот так я познакомился с Гришиным-Алмазовым, потом он прибыл на Яское совещание, а затем, вместе с консулом Энно, перебрался в Одессу, где и стал местным диктатором.

(Там в Яссах, пока я лежал в «испанке», он познакомился с Энно.)

* * *

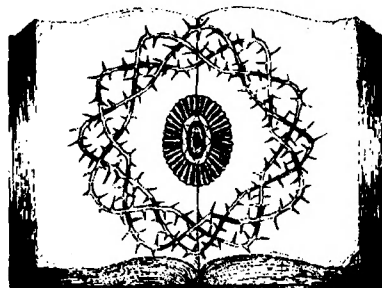
Теперь с печалью хочу поведать о неких темных деяниях Гришина-Алмазова в Одессе.

Он был религиозный человек, набожно говел. И вместе с тем, в то же время совершал убийства. Именно убийства, а не открытые казни. Он говорил:

— Вдруг находят труп. Кто убил? И кто убийца? Тайна! В этой тайне и таится страх. Никто не гарантирован от смерти. Все трепещут! И устрашаются!

Таких, тайных и таинственных, убийств было совершено одиннадцать. Опять одиннадцать... роковое число...

Когда мы с ним расставались, он дал мне записку. Сказал:

— Вот номер телефона. 11-29. Если Вам будет плохо, позвоните.

Я этим телефоном не воспользовался. Не знаю, что крылось в этих «11-29». Но эти цифры повторились в другом виде. Одиннадцатого ноября, т.е. одиннадцатого месяца, в одиннадцать часов одиннадцать минут вечера умерла моя секретарша. А двадцать девятое? Двадцать девятого августа — Усекновение главы Иоанна Крестителя. (Это связано с Иродиадой.) А вместе с тем, двадцать девятое августа — для меня счастливый день. Все перепуталось в какой-то мистике, еще не разгаданной.

* * *

Бессудные убийства в Одессе — об этом много писалось, когда большевики завладели ею.

* * *

Расскажу о конце Гришина-Алмазова. Высланный французскими интервентами, он приехал к Деникину. Там ему ничего не предложили. Он решил вернуться в Сибирь и поехал с двенадцатью офицерами. Между прочим, он повез мое письмо к адмиралу Колчаку.

Они, т.е. Гришин-Алмазов и его офицеры, добрались до Каспийского моря и плыли на каком-то корабле. Недалеко от берега их догнало советское судно.

Это был конец. Двенадцать человек молодых офицеров бросились в море и поплыли к берегу. Гришин-Алмазов сошел вниз, в каюту. Там сжег какие-то документы, но мое письмо Колчаку уцелело и потом где-то было напечатано. Что в нем было, я не помню.

Затем Гришин-Алмазов приготовил револьвер и ждал. Когда пришли, он выпустил все пули, за исключением одной. Этой последней пулей он застрелился...

Вот все. Он был красочная фигура своего времени. Смесь доблести и жестокости, для нас даже мало понятной. Быть может, такова природа всех диктаторов...

Публикация Н.Н.Лисового

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАЗДНИК ВЕРНЫХ	1
<i>В. Дуров</i> СОЛДАТСКИЕ ГЕОРГИЕВСКИЕ КРЕСТЫ 1-ой МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	2
<i>А. Кирилин</i> «БЕЛЫЙ КРЕСТ ХРАБРЫХ»: ЛЮДИ, ПОДВИГИ, НАГРАДЫ	6
<i>А. Езеев</i> К ВОПРОСУ О «ДОПУСТИМОСТИ», «ЛЕГИТИМНОСТИ» И «ПРАВМОЧНОСТИ»... (ИЗ ИСТОРИИ ГЕОРГИЕВСКИХ НАГРАД НА ВОСТОКЕ РОССИИ В 1918-1919 Г.Г.).....	9
<i>А. Кручинин</i> ГЕОРГИЕВСКИЕ НАГРАДЫ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ ЮГА РОССИИ (1919-1920).....	16
<i>М. Катагощина</i> ПАМЯТНИКИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ. Окончание	21
ДОКУМЕНТ ИЗ «РОССЫПИ» КОННО-ГРЕНАДЕРЫ ГЕНЕРАЛА ЮЗЕФОВИЧА.....	24
<i>В.В. Шульгин</i> ФРАНЦУЗСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА ЮГЕ РОССИИ В 1918-1919 ГОДАХ. <i>Публикация Н. Лисового. Окончание .....</i>	26

Главный редактор **А. КРУЧИНИН**
Соучредители **А. ВАСИЛЬЕВ, А. ЕЗЕЕВ, А. КРУЧИНИН**
Художники **В. ТИТОВ, И. ШИРЯКОВ**

©«ВОЕННАЯ БЫЛЬ», 1993
При участии фирм «А.В. Туров» и «Русские Огни»

Адрес редакции: 109457, Москва, ул. Ф.Полетаева, д.8, корп.2, кв.46

Перепечатка только с разрешения редакции.
При перепечатке ссылка на «Военную Быль» обязательна.

Издание зарегистрировано Московской региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации. Свидетельство о регистрации №А-0154 от 10 декабря 1992г.

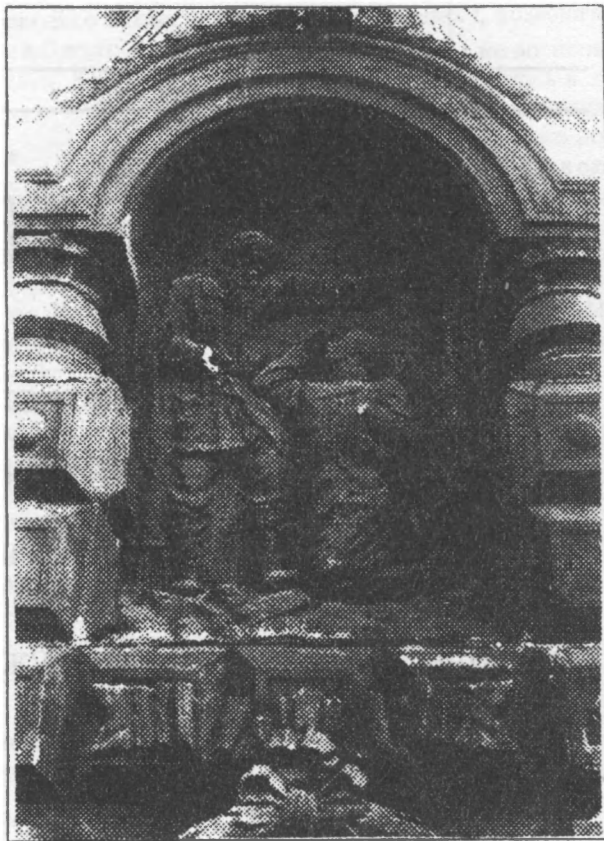
Типография ГПИБ. Заказ 56. Тираж 250 экз.

В ПАМЯТЬ О РУССКИХ ВОИНАХ

Известной достопримечательностью Москвы является часовня-памятник гренадерам, павшим под Плевной, расположенная в Ильинском сквере. Она была воздвигнута в 10-летнюю годовщину одного из кровопролитнейших сражений последней Русско-Турецкой войны — боя у кургана Копаная Могила 28 ноября 1877 года частей Гренадерского корпуса с окруженной в Плевне 40-тысячной турецкой армией Османа-паши. После ожесточенного штыкового боя турецкая армия была принуждена сдаться.

Часовня-памятник, имеющая форму колокола, увенчанного короной и крестом, украшенная горельефными изображениями русских солдат, лавровыми венками и гирляндами, — представляет собой исключительно оригинальное в инженерном и художественном отношении сооружение (автор проекта — известный русский архитектор и скульптор академик В.О.Шервуд).

Часовня чудом уцелела в послереволюционные годы, однако сейчас она находится в аварийном состоянии. По благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия заботу о возрождении часовни, ныне возвращенной Русской Православной Церкви, взяли на себя прихожане известного московского храма Св. Николая в Кузнецкой слободе, — прежде всего, члены действующего при храме Общества ревнителей Православной культуры. По воинам, павшим на поле брани, теперь в часовне вновь служат панихиды.

В то же время предстоит еще огромная работа по реставрации часовни, восстановлению нормальной церковной жизни в ее стенах. Все желающие принять участие в возрождении памятника Русской воинской славы, могут связаться с Попечительским советом по адресу: 113184, Москва, Вишняковский пер., 15, Храм Св. Николая в Кузнецкой слободе, свящ. Александру Салтыкову. Для желающих помочь материально сообщаем расчетный счет Общества ревнителей Православной культуры (на восстановление часовни-памятника гренадерам, павшим под Плевной): 6000700847 в Люблинском филиале Русского Национального Банка. Корр. счет 1161902 в Чкаловском РКЦ г.Москвы ГУ ЦБ РФ. МФО 44540000, уч. 5Д.

